

Александр Дендиберя

18+

Под покровом тьмы

Легенды Эруада Книга первая

Александр Дендиберя

**Под покровом тьмы. Легенды
Эруада. Книга первая**

«Издательские решения»

Дендиберя А.

Под покровом тьмы. Легенды Эруада. Книга первая /
А. Дендиберя — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-556977-6

Над одним из тысяч миров, что наполняют Глубины Сущего, давно нависла угроза. Многие позабыли его истинное предназначение. И пусть магия в Эруаде явление нынче редкое, обитателям всё же придётся вспомнить, для чего полторы тысячи лет назад нужны были бессмертные герои — Эрве. Да только вспомнить — всего лишь капля надежды на спасение.

ISBN 978-5-00-556977-6

© Дендиберя А.
© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	6
ЧАСТЬ 1. СКРЫТАЯ УГРОЗА	7
Глава 1	7
Глава 2	26
Глава 3	40
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Под покровом тьмы Легенды Эруада. Книга первая Александр Дендиберя

*«Жизнь сама по себе – ни благо, ни зло: она вместилась и блага
и зла, смотря по тому, во что вы сами превратили её».*
Мишель де Монтень

Екатерина Ерохина *Дизайнер обложки*

Антон Швецов *Редактор*

© Александр Дендиберя, 2024

© Екатерина Ерохина, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-0055-6977-6 (т. 1)

ISBN 978-5-0055-6978-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Скажи, что ты чувствуешь, когда тебе снятся легенды? О чём думаешь, когда видишь, словно наяву, то, что случилось много лет назад, что, возможно, уже навеки исчезло из памяти миллионов?

Наблюдая со стороны за происходящим и пытаюсь понять истинную сущность этих событий, ты не замечаешь, как твоя жизнь оказывается неразрывно связана с загадочными снами.

Может, так всё и было, а может, так будет, или это – лишь плод твоего бурного воображения, или же... чьё-то наваждение.

Легенды, легенды, легенды... Не каждый сможет найти ту незримую, тайную ниточку, что пронизывает их, наполняя глубочайшим, волнующе-искренним смыслом и облачая либо в радужную, либо с окрасом преимущественно серых тонов, оболочку.

Ослепительное великолепие и могущество белоснежных гранитных городов, бескорыстное мужество отважных бессмертных героев, ужасные трагедии кровопролитных войн, длящихся порой столетиями, природные Чудеса и охраняющие их Звери страстно воспевались древними арфистами и менестрелями в постоянных дворах и на торговых площадях. Но, ни одна легенда, запечатлённая на пожелтевшем пергаменте, не могла всё же полностью и достоверно описать картину произошедшего. Многие детали попросту упускались, хотя имели существенное значение для понимания истины событий тех дней.

Одни рукописи бесследно исчезали, беспечно забываемые людьми, другие – пересказывались разными неумельцами, искажённые недостаточным знанием и неграмотностью. Многие архивы Хранителей времени пропали во времена Эпической войны с бесчисленными ордами орков, внезапно нахлынувших с запада из своих обиталищ и безжалостно сжигавших захваченные земли, оставляя после себя лишь сотканное из боли и страданий мрачное полотнище.

В те беспокойные времена оригиналы ценнейших летописей постоянно перевозились с места на место, с захватываемых земель – в земли наиболее безопасные, которых еще не коснулись длинные пальцы Королевы Глубин Сущего, но к концу войны затерялись где-то между Алакорном и безжизненными просторами ледяной пустыни Гарада. Это были самые древние рукописи хронистов Эруада, имевшие первоочередное значение для истории государств и связывавшие многие события, что произошли гораздо позже.

Правда, существовали предания, известные всем до единого. Но никто не мог определённо сказать, каков оказался их финал.

Вот уже несколько десятилетий королевства Эруада не знали кровопролитных войн. Случались лишь мелкие стычки с вьорнами – змееподобными существами, что временами покидали болота Срединных земель в поисках свежей крови, но пограничные рубежи охранялись довольно-таки хорошо. Население давно избавилось от всепоглощающего страха, что овладевал сердцами и душами всех без исключения: от мала до велика, от простого крестьянина до великого и могущественного короля.

Никто не думал, что могло произойти нечто зловещее. Никто не ждал опасности. Но она появилась и начала распространяться, как яд имперской кобры по венам жертвы, от которого нет противоядия. Она зародилась там, где её появления никто не ждал.

Некогда сильнейший народ, населявший континент Эдиан, что на северо-западе Эруада – хадалмарские эльфы – просто канул в небытие. После победы над взбунтовавшимися орками в Эпической войне они вернулись домой, и...

С тех пор прошло более двухсот лет.

ЧАСТЬ 1. СКРЫТАЯ УГРОЗА

Глава 1

– Без Осколка мы не сможем восстановить силы Отца. Необходимо заставить их вернуть его. В противном случае нечто другое мы должны назвать Эруадам.

– Не спеши, брат. Мы остановим их. Другие Эрве вернут Осколок.

– Если они доберутся до Чуда, то не будет больше других Осколков, и Эруад превратится в бесполезное сборище рас! За своеволие необходимо наказывать по всей строгости!

– А ты подрастаешь! – прохрипел Джорджио, получив от брата неожиданный колющий удар деревянным мечом. Он присел на землю, ухватившись за пронзённое резкой болью плечо.

– Нужно всего лишь усердно работать! – гордо вскинув подбородок, почти нараспев произнёс Флаури.

– Не зазнавайся, великий воин! Когда ещё тебе посчастливится сделать это вновь! – последние слова Джорджио произнёс с таким презрением, что Флаури аж весь побагровел от гнева. Хоть и злились они друг на друга не всерьёз, но в бою ошибок не прощали.

Словно ловкий зверь, изящно вскочив на ноги, Джорджио принялся проучать брата.

С малолетства каждое утро – в дождь, снег, и в палящий летний зной, и в продирающий до костей зимний холод, – незадолго до того, как над деревней Веорна прогорланят первые вестники рассвета, братья Тимбертоны пробирались сквозь густой пролесок, что вплотную прилегал к деревне с севера. Затем вброд или по булыжникам – через бурлящие пенным вихрем воды Сиенны, которая местами более походила на широкий ручей, чем на реку. Останавливались у высокого холма. На вершине, которую можно было измерить пятью шагами вдоль и поперёк, ребята фехтовали на деревянных палках, выточенных в виде одноручных клинков, что находились на вооружении королевской армии Алакорна.

Старший из братьев, Джорджио, владел искусством боя намного лучше Флаури, ведь он заканчивал уже третий, последний год обучения в Высшей академии Меча при дворце Второго наместника короля Фаррогота в городе Даллор-Кур. Здесь, по окончании курса подготовки, новоиспечённых, совсем молодых и незакалённых, но уже имеющих серьёзный уровень практического мастерства в выбранной ими при поступлении дисциплине, ожидало распределение по войскам. Наиболее отличившихся зачисляли в элитный королевский полк, где возраст и опыт продолжали муштровать отважных, хоть порой и заносчивых, молодых воинов.

В академии вся жизнь была расписана по минутам: бесконечная строевая подготовка, от которой немели ноги и руки; практические занятия, тактика ведения боя; силовые упражнения и бег с препятствиями; и долгожданные, хоть и короткие, перерывы на приём пищи.

Дисциплин боя на мечах существовало достаточно, чтобы к концу первого года обучения преподаватели могли определиться, на что действительно способен ученик. Здесь обучали и владению одноручником и щитом, и двуручником, и бою с двумя мечами, мастерству древкового оружия, а также метанию кинжалов и топоров. Особенно мастерски преподавали искусство владения одноручным мечом, поэтому воины Алакорна славились всюду, и лишь палдины Тираубена обращались с оружием хуже разве что богов.

Достаточно тяжёлым этапом обучения владению клинком было преподнести рекрутам строевые премудрости боя: как правильно выставять щиты, как эффективно переме-

щаться внутри строя, если кто-то погибает, как грамотно перестраиваться в различные боевые порядки.

Тренировки проходили без поблажек и пощады. Рекрутов гоняли до последней капли пота, и к концу дня они, словно спелые фрукты после отжима, превращались в жалкое подобие воинов. Многие даже ночевали в казармах, хотя жили в нескольких милях от города, – сил попросту не оставалось даже взобраться на лошадь.

В ряды королевского полка и стремился попасть Джорджио. Ему нравились трудности армейской жизни, наверное, потому, что он без труда с ними справлялся. Некоторые его товарищи удивлялись, глядя, как охотно он приступает к занятиям. В глазах юноши сверкали неугасаемые искры желания окончить обучение с отличием, стремление быть лучшим во всём и среди всех.

Высокий, на полголовы выше брата, прекрасно сложен и обладающий недюжинной выносливостью, он за три года показал себя наиспособнейшим учеником, и многие преподаватели рекомендовали его не просто в полк короля, а как минимум сразу десятником. Его чёрные, как смоль, волосы всегда были коротко острижены – незыблемое правило академии. Карие глаза чуть прищурены, словно высматривают неведомую добычу. Густые брови, средних размеров нос с горбинкой, рот с приподнятыми уголками и волнистые губы – он был мечтой всех местных девчонок, и их внимания ему доставалось сполна.

От левой брови к виску у рекрута тянулся небольшой шрам, появившийся почти сразу же после поступления в академию. На одной из первых тренировок, ещё зелёные и горячие, не желающие проигрывать друг другу соперники (там, кстати, тренировались уже не на деревянных, а на тупых металлических мечях) разошлись настолько, что учёба превратилась в нешуточную бойню. Джорджио, не успев увернуться, получил удар концом клинка в лицо.

Тогда генерал Сторио, обучавший дисциплине владения одноручным мечом и строго следивший за порядком в рядах цыплят (так он их называл), вlepил обоим так, что желание биться, словно озверевшие орки, отпало напрочь у всей группы, что насчитывала ни много ни мало семьдесят человек. Конечно, никому не хотелось три дня существовать лишь на хлебе и воде, а по вечерам мыть казармы и мести двор, при этом забыв про домашнее тепло, уют и пищу. Порядок, правда, рекруты всё же поддерживали сами, следуя установленной очередности дежурства. А такие выходки приводили к внеочередному посту с тряпкой и метлой.

Флаури походил на брата лишь широкой белозубой улыбкой, в остальном можно было увидеть лишь одни отличия. Он имел длинную чёрную густую шевелюру, правда, чуть светлее, чем у Джорджио, которую нередко заправлял в хвост. Серо-зелёные глаза выражали доброту и справедливость. Фигурой, как и ростом, он заметно уступал брату, но выносливость и ловкость его иногда просто поражали Джорджио. Случалось, что Флаури в пылу боя терял из виду границы участка вершины холма, отступался и кубарем катился вниз, но затем понимался, в считанные секунды оказывался возле брата, и бой продолжался. Поэтому тренировки и проходили на столь небольшом участке, дабы научиться следить за обстановкой вокруг и мгновенно оценивать ситуацию. Такой принцип практиковался в академии, и Джорджио, несомненно, имел в этом деле бесценный опыт.

Смазливой мордашкой в шестнадцать лет Флаури тоже похвастаться не мог. Правда, выглядел он уже довольно мужественно, то ли благодаря угловатым чертам лица, то ли слегка смугловатому цвету кожи.

Когда брат вместе с местными торговцами, что везли каждый день в Даллор-Кур мясо, пшеницу, муку, кожи и разнообразные пряности, уезжал в академию, на Флаури валилась масса работы: сходить на мельницу к старому доброму Нуори, чтобы забрать муку, перемолотую из принесённого накануне зерна; иногда приходилось помогать отцу Варнору забить корову или свинью. С курицами особых проблем не возникало, хотя и не любил он, ох как не любил подобные кровавые расправы над животными и птицами, но ничего поделать не мог – строгие

родители приучили чуть ли не с самого младенчества неукоснительно выполнять все их поручения и наказания. Иначе отцовский тяжёлый кожаный ремень с металлической пряжкой вновь мог лишить ослушавшееся чадо возможности присесть как минимум на два дня.

Эмилия и Варнор Тимбертоны – родители Флаури и Джорджио – жили вместе уже тридцать три года. Эмилия – златоволосая, стройная и необычайно молодая для своих пятидесяти пяти лет, занималась домашним хозяйством: воспитывала маленьких братьев, умудряясь ещё и огород держать, хлопотала по дому. Варнор обладал громадой могучих мускулов, как и полагается хорошему кузнецу. Всегда наголо остриженный и аккуратно выбритый, он выглядел столь же молодо, как и его жена. Правда, старше был на целых четырнадцать лет. Сейчас он работал на собственной скотобойне и продавал мясо на рынке Даллор-Кура.

Кузнечное ремесло было для Варнора делом всей жизни. Он вообще не представлял себя в роли другого ремесленника, хотя мастером слыл на все руки. Но судьба сыграла с ним злую шутку. Однажды, работая в кузнице Веорны, он разгромил молотом телегу заезжего торговца, когда тот бросил в сторону Эмилиии пару неприличных слов.

Варнор часто вспоминал тот день, и даже жалел, что не проломил голову негодяю, оскорбившему его жену. Он был родом из далекой южной страны Эйрдалл, где порочить честь женщины не имел права даже собственный муж, а что уж там говорить о каком-то идиоте с севера?

Тогда деревенский староста оставил кузнеца без работы, и тот чуть было не спился со скуки, но позже, собрав все сбережения и взяв займы у добрых людей, коих хватало и в Веорне, и в Даллор-Куре, семья приобрела дюжину коров, трёх быков, три десятка куриц и семь свиней. Через пять лет они уже имели самый крупный скотный двор во всей подконтрольной Второй столице (как нередко называли Даллор-Кур) области.

В Алакорне Варнор оказался опять же по воле судьбы, что свела его с будущей женой. В тридцать два года, охотясь в северных лесах Эйрдалла, он и не предполагал, что вернуться в родные края ему уже не суждено. Пройдя через вереницу странных и опасных событий, мужчина, сам того не зная, очутился у ворот Даллор-Кура. Как раз в то время в Веорну возвращались торговцы. Среди них была и Эмилия, что ездила на ярмарку вместе с родителями.

Варнор поинтересовался, где можно остановиться на ночлег, и был приглашен родителями Эмилиии, поскольку у них имелось местечко в кузнице. Там он и остался, устроившись на работу к отцу будущей жены подмастерьем. Начальные навыки кузнеца у него имелись, поэтому в работу он влился невероятно быстро.

Родители Эмилиии умерли спустя два года от неизвестной болезни, что погубила треть деревни, – ни один лекарь тогда не смог найти от недуга лечение. Возможно, зараза оказалась как-то связана с отголосками орочьей чумы, охватившей северо-западный Эруад в тысяча шестьсот тридцатом году. Вспышки подобной лихорадки ещё не раз беспокоили население преимущественно маленьких городов и деревень, где обеспечение и навыки местных лекарей оставляли желать лучшего.

С одной стороны, Флаури был доволен своей, хоть и ничем не примечательной, но всё же спокойной деревенской жизнью. Он привык вскакивать спозаранку, наперегонки бежать с братом к месту их тренировок, весь день работать и выполнять различные поручения родителей, а после ужина моментально засыпать едва ли не за столом. Свободного времени у него оставалось очень мало, и его он старался проводить в отцовской конюшне рядом со своим любимчиком – конём Сириусом.

Случались и выходные. Родители – а с ними и почти вся деревня, – уезжали в Даллор-Кур на рынок продавать заготовленное говяжье и свиное мясо да скотину. Флаури оставался абсолютно один. Среди местных ребят друзей у него не было. Он так и не смог найти здесь тех, кто способен прийти на помощь в любой ситуации, поддержать в трудную минуту, подставив дружеское плечо. Ему пришлось смириться с положением изгоя, коим выбрали его местные ребята. Сам, правда, он считал правильным, что не имеет ничего общего с такими, как они.

Ведь за последние годы, прожитые в Веорне, Тимбертон повидал немало драк из-за того, что кто-то мнил себя главным во всей деревне.

В один солнечный весенний день, оставшись в очередной раз хозяином в доме и выполнив наказанное родителями, он мирно сидел на лавочке у входа в деревенский трактир «Сокровище Гарада».

Стоял на редкость жаркий апрельский полдень, кучковавшиеся с утра на небе тучи к обеду вдруг расплзлись в разные стороны, открыв миру возможность погреться под ярким весенним солнцем. С севера дул лёгкий, но прохладный ветерок, ещё не насытившийся теплом.

Запахи свежепожаренного мяса, выпечки и наваристого куриного бульона окружали Флаури вот уже с полчаса. Ни ударов молота, ни топота копыт, ни лая собак, ни людского гомона – лишь шелест листвы и пение птиц. С головой погрузившись в чтение, он изучал отцовские записи об особенностях северных и южных лесов Алакорна, устройстве и специфике постройки кораблей, а также по кузнечному ремеслу, собранные в молодые годы во времена долгих странствий и путешествий по землям северного Эруада.

Не замечая ничего и никого вокруг, он вдруг почувствовал, как кто-то медленно подкрадывается к нему сбоку, из-за угла. Повернув голову, Тимбертон тотчас получил сильный удар кулаком в лоб. Через пару секунд, уже лежа на спине, Флаури открыл глаза.

– Это ты, Грен! Я думал, кто-то действительно стоящий моего внимания! – дерзко ответил он и снова огреб от Грена, который с радостью ткнул его металлическим носком кожного сапога в бок. Удар вышел болезненным. Флаури даже вскрикнул.

– Кто тут может быть серьезнее меня? А?! – наклонился над ним Грен.

– Что вам от меня надо? – стараясь держаться спокойно, спросил Флаури, видя, как за спиной толстяка появились ещё четверо подростков – Рон, Ладри, Брол и Стриф – извечные прихвостни местного бандита.

Чуть поодаль от конфликта кучковались ребята, усевшиеся на заборе, и всем своим видом показывали, что заступаться за беднягу никто не будет. Зато, когда получают по шее от Грена, кто-то бежит во двор к Тимбертонам и слёзно просит помощи.

И он помогает. Хватает первую попавшуюся под руку палку и бросается к месту драки. Там, естественно, вступает в неравную схватку с Греном. Остальные вмиг разбегаются, оставив Флаури одного с бандой противника. Тот, не привыкший отступать, получает по голове и в синяках возвращается домой, по пути проклиная трусов и идиотов.

«Испугались! Я так и думал! Нечего от вас больше ожидать! Ну, прибежит ещё один из вас ко мне – разом нахлобучу! Мало не покажется!» – подумал он, ожидая, что же предпримут его враги.

Флаури понимал, что драки ему не избежать, ведь Грен так просто не отступит. Оставалось либо бежать со всех ног, благо, бежал он быстрее остальных, либо вновь вступить в бой.

– Мы пока только поздоровались, сопляк! – странно усмехнувшись, сквозь зубы процедил толстяк. На его розоватом пухлом лице были еле видны тонкие губы.

– Тебе ведь наверняка родители оставили деньги... Они всегда тебе их оставляют! Мы хотели у тебя их... Взять в долг... – откуда-то из-за широкой спины Грена пропищал Рон, тощий, как молодая берёзка, высокий, словно фонарный столб, с голосом напуганной до смерти курицы.

– Мой тебе совет... – начал было Грен.

Флаури его не дослушал, хватая весьма длинное, в два с половиной локтя, полено, лежавшее за углом трактира, где были уложены дрова для растопки печи.

– Ох, не ты мне советчик, Грен! Можешь взять мои деньги, но сначала, позволь, я выбью тебе пару зубов! – чувствуя, как страх отступает, огрызнулся Тимбертон.

Деньги у него, правда, имелись. Их хватило бы на довольно сытный обед в трактире Фрагона. Но с чего это вдруг ему отдавать их?! Он давно привык к стычкам с шайкой местных

хулиганов, которые тем только и занимались, что вымогали деньги у слабых и беззащитных. Хотя к Флаури это относилось в меньшей степени, но с Греном ему не удавалось справиться ещё ни разу.

Он никогда не поддавался на угрозы и очень часто ходил с синяками. Ему до смерти хотелось проучить ненавистную банду уличных грабителей, но защитить его было некому. Даже брат – и тот не мог помочь, хоть и очень этого желал. Флаури никогда не прятался за чью-либо спину и всячески отговаривал Джорджио от вмешательства.

Иногда он просто убегал от них, но вскоре сам же в собственных глазах почувствовал себя трусом.

«Лучше я дам отпор, чем убегу или выложу деньги – всё равно так или иначе схлопочешь от хряка!» – только успел подумать он, как увидел занёсшего руку с палкой для удара Рона.

Флаури мгновенно пригнулся, и палка противника рассекла воздух у него над головой, после чего он резко выбросил руку вперёд и угодил поленом в правый бок нападавшего. Послышался глухой удар, и неприятель, коротко вскрикнув, скорчился на земле.

Остальные четверо тоже схватили палки и начали постепенно окружать жертву. Через несколько секунд он уже находился в полном кольце и судорожно вертел головой, пытаясь не упустить никого из виду. Слишком часто ему приходилось противостоять четверым-пятерым соперникам, но обычно это выглядело так: Флаури, сжавшись в комок, лежит на земле, а те самые пятеро радостно лупят его ногами. Сейчас же он знал, что если избиение и повторится, то после того, как он поставит парочку болячих синяков.

Мгновение... Тимбертон замечает, как Грен делает едва заметный сигнал своим прихвостням, и они разом кидаются в центр кольца. Флаури среагировал на удар оказавшегося впереди него Ладри, отбил справа налево опускавшуюся ему на голову дубинку и молниеносным движением наотмашь ударил себе за спину, зная, что где-то там должен быть Стриф. И когда его рука почувствовала мягкое препятствие на пути, он понял, что не промахнулся.

Двигаясь весьма быстро, он всё же не смог увернуться от нацеленного прямо в голову удара Брола. Когда в глазах побелело, он мог лишь отчаянно размахивать палкой, стараясь при этом удержаться на ногах. Видимость восстановилась быстро, но головокружение настолько сильно овладело им, что Флаури просто потерял чувство пространства. Единственное, что он помнил потом – как, отшатнувшись от заблокированного удара Грена, он запнулся за лежащего сзади Рона и уже в падении, что хватило сил, метнул полено в сторону продолжавшего наступать толстяка.

Падение. Удар затылком о скамейку, и потеря сознания.

Очнулся Флаури от ледяного душа. Над ним с встревоженным лицом суетился Фрагон – трактирщик местного заведения. Он судорожно поливал его из ковшика дождевой водой, зачерпывая из дубовой бочки, что стояла у входа в трактир. Тимбертон открыл глаза и увидел, что лежит уже не на земле, а на скамье в «Сокровище Гарада». Вокруг, помимо трактирщика, не было ни души. Голову разрывало на части. Пробивавшийся сквозь мутноватое окно солнечный свет заставил зажмуриться. Фрагон заботливо надвинул занавесь.

– Ну и досталось тебе сегодня! Что не поделили-то? – как-то робко осведомился седовласый мужичок сорока пяти лет, понимая, что может и не услышать ответа.

Но всё же Флаури ответил:

– Деньги мои не поделили. А что, я долго тут спал? – с видом полной обречённости глухо вымолвил он.

– Да я тебя уже минут двадцать тут поливаю! Испугался совсем. Когда я выбежал, двое лупили тебя палками... Лежащего! Без сознания! Двое других поднимались в то время с земли, а у самого толстого – Грен, по-моему – всё лицо было в крови. Похоже, ты выбил ему пару зубов. Как увидели меня, дали дёру. Думаю, что тебе может ещё и от его родителей достаться! Что будешь делать-то?

Тимбертон зло улыбнулся:

– Я же ему обещал! – не обращая внимания на причитания Фрагона, негромко произнёс он. – А он не поверил! У вас есть что-нибудь холодное?

Дикая боль вновь предательски накатилась. Было ощущение, что болит абсолютно всё от макушки до пят.

Фрагон закивал и убежал в кухню.

«Терпи, терпи, Флаури! Не зря ты сегодня схлопотал! Ответил так, что толстый червь теперь раз десять подумает, прежде чем попытаться тебя обчистить!» – успокаивал он себя, не замечая, как Фрагон накладывает ему на голову промоченную в ледяной родниковой воде повязку.

* * *

На востоке, за Раскалённым хребтом, пробивались сквозь белые кучевые облака первые лучи утреннего солнца. Постепенно поднимаясь, оно заливало пока неярким, но уже тёплым согревающим светом все окружающие равнины и холмы, разгоняя местами сгустившийся ночной мрак. Туманная пелена, словно укрывавшая на ночь от промозглого холода обширные зелёные луга, медленно расползалась, гонимая лёгким ветерком, и незаметно исчезала, оставляя после себя на траве бисеринки росы, отливавшей алмазным блеском в лучах встающего светила.

Казалось, будто Дьервенмарскую равнину посетило неведомое волшебство, будто это не природа дарит чудным местам такую мифическую красоту, облачая их в драгоценные одежды, а кто-то иной, божественный...

Да, здешняя природа очень сильно напоминала своей внеземной красотой чудные эльфийские леса. Даже нимфы, наверное, не способны создать такое величественное и таинственное место, какое открывалось перед глазами путника, попавшего в страну эльфов.

Позади остался долгий и опасный переход сквозь хищный массив Мёртвого леса, ставшего обиталищем неведомых тварей, нападавших на каждого, кто осмеливался их потревожить. Ни в одной летописи нет упоминания о тех, кто выжил, путешествуя через мрачные земли. А вот сказаний о храбрецах, сгинувших навеки, в библиотеке не счесть. Отсюда и прозвали с виду ничем не примечательный ютившийся вдоль Раскалённого хребта лес Мёртвым.

Чтобы пробраться через густые заросли, нужно было обладать невероятной ловкостью, способностью ощущать каждый кусочек земли под ногами и передвигаться абсолютно бесшумно. Ходили слухи, что сами боги наполнили ненавистью когда-то прекрасные места, то ли пытаясь оградить людей от неведомой опасности, то ли скрывая от них нечто особенное, обладающее тайной силой. А кто-то говорил, что здесь спрятались остатки войска демонов и тварей Глубинных Миров, что попали в Эруад в результате противостояния самих богов. Тогда врата в Глубины Сущего не контролировались Высшими Силами. Нечисть выползла из мрачной утробы и бросилась безжалостно пожирать живых существ. Правда, никто так и не смог достоверно доказать ту или иную версию.

На западе виднелось голубое полотнище моря Рун, медленно исчезающее за вершинами холмов. Про это море тоже сложено немало легенд. Говорят, что когда-то его населяли жуткие чудовища, пострашнее тварей Замёрзшего озера. Несколько отчаянных смельчаков попытались развеять эти мифы, пустившись в плавание по опасным водам. Когда их корабль исчез в голубой пучине, остальные стали держаться подальше от берегов. Да и кому пристало путешествовать вблизи Мёртвого леса с востока и поселившихся на западе вьорнов, что не признавали ни одну из рас вот уже несколько столетий. А ведь когда-то Змеи населяли территории нынешнего Алакорна и ледяной пустыни на северо-востоке. Мирные и дружелюбные доселе существа выглядели довольно необычно. Человеческое чешуйчатое тело венчала змеиная голова. Они славились мастерством обработки металла иковки до той поры, пока не преступили неписанные законы Эруада. Предав населяющие мир расы, они оказались наказаны не только земными существами – кара небес настигла их по возвращении домой. Чудо-вулкан

Гарада вдруг разразился грохотом, непрекращающиеся извержения застлали земли вьорнов чёрной пылью. Территории вокруг Чуда медленно зарастали льдом. Жить среди восставшей против них природы стало невозможно, и вьорны двинулись на запад.

Они начали меняться внешне. Кто-то обретал четыре руки, кто-то – длинный змеиный хвост, а кто-то и вовсе превратился в огромного змея. Уродливые, озлобленные, жаждущие крови и смерти, они город за городом, деревню за деревней разоряли жилища людей. Тем пришлось оставить родные места и бежать через горы на запад к оркам и просить помощи. Так началась столетняя война, которую вьорны проиграли. Теперь остатки их расы осели в непроходимых болотах Срединных земель, куда не суётся ни одно разумное существо.

Направляясь на север, вниз по склону заросшего ольшаником холма, она не оглядывалась на серые верхушки Мёртвого леса, не озиралась заворуженно по сторонам, не дивилась здешним красотам, а просто шла, двигаясь твёрдыми, ровными шагами. Она находилась будто бы в собственном волшебном мире, созданном ею самой.

Свободная тёмно-серая накидка опускалась почти до земли. Лицо скрывалось под капюшоном, надвинутым так, что, казалось, ей не видно ничего дальше пары локтей перед собой. Двигалась она, не поднимая головы, словно знала местность наизусть. Словно её вели какие-то неведомые силы.

* * *

Когда над Веорной сгущались сумерки, а пылающий солнечный диск, опускаясь за горизонт, оставлял на небосклоне ярко-алое зарево, жизнь в деревне вновь возрождалась. Возвращались те, кто торговал днём на рынке Даллор-Кура и те, кто обучался в академии. Таких было, правда, только двое – Джорджио да сын трактирщика Фрагона. Скрипели повозки, устало ржали кони, громко переговаривались между собой торгаши, бурно обсуждая минувшие дела. Кто-то был доволен, что продал сегодня весь товар, кто-то, наоборот, страшно недоумевал, проругавшись целый день с дотошными покупателями, что безосновательно придираются к прекрасно выделанным козам.

Повсюду зажигались огни, словно новая жизнь зарождалась во тьме. Веорна, насчитывавшая ни много ни мало около трёх десятков домов, вспыхнула ярким пламенем. Ожилась даже скотина в кормовых дворах. Ещё лет десять назад можно было пересчитать по пальцам все местные строения. Благодаря ремесленникам-переселенцам с юга, деревня с годами разрасталась и теперь скорее походила на хоть и небольшой, но достаточно живой торговый городок.

Флаури сидел у себя в комнате и молча наблюдал за растекавшейся по деревне толпой. В воздухе уже витал запах грубой кожи отцовского ремня. Он знал, что сегодня непременно нагрянут родители Грена – они не оставят выбитые зубы их отпрыска без внимания. Но столь печальный факт его не сильно тревожил. Он больше всего боялся, что скажет отец. Будет это неприлюдная порка, либо жёсткие наставления, либо всё вместе – думать об этом не хотелось. Но он думал.

Варнор никогда не наказывал сыновей в присутствии других, будь то мать, брат или, чего хуже, посторонний человек. Заперев мальчика в небольшой чухлой комнатке в пристройке к сараю, где фыркала и хрюкала скотина, отец доставал потёртый кожаный ремень времён его отца, и прикладывал к мягкому месту нашкодившего хлёсткими, жёсткими ударами. В такие моменты от рёва, исходившего из-за тонких деревянных стен сарая, свиньи приходили в бешенство, неистово хрюкали и металась по загонам, словно ожидая подобной участи вслед за несчастным.

В тёмную комнату вошёл Джорджио, рассеяв окружавший Флаури мрак зажжённой свечой. Тьма пугливо бросилась по углам, оставив причудливые тени плясать на стенах. Увидев брата, он застыл в дверях. Его рот медленно растягивался в улыбке:

– На этот-то раз ты хоть смог достойно ответить? – едва сдерживая смех, спросил Джорджио.

– Вполне достойно. Думаю, ты сегодня об этом ещё услышишь, – и только успел Флаури уныло произнести эти слова, как в дверь кто-то забарабанил. – Ну, вот. По мою душу, – с полным безразличием в голосе добавил он, не переставая смотреть на объятую огнями деревню.

До ушей донёсся чуть низкий хриловатый голос:

– Где ваш сын?! Где этот негодяй?! Что он сделал с Греном?! Вы ещё не видели?! Сынок, иди сюда, покажись! – Флаури наблюдал с лестницы, ведущей на второй этаж их дома, за происходящим у порога.

Арбен, низкого роста и с лысой головой (как нередко говаривал отец – голова босиком), был очень толстым, узкоплечим и невероятно отвратительным на вид человеком. Густые рыжие брови сходились к переносице, красное от ярости, как спелое яблоко, лицо с тонкими губами и большим носом картошкой выглядело настолько глупо, что Флаури с братом чуть не рассмеялись. Арбен выпихнул вперёд всеми силами упирающегося отпрыска и показал: – Смотрите, что ваш разбойник наделал.

Грен и впрямь выглядел неважно. Губы распухли настолько, что сейчас он больше походил на утку. А зубы...

– Это сделал Флаури? – удивлённо вскинув брови, спокойно спросил отец.

– Да-а-а! Какой наглец! Так взять и изувечить моего сына! Куда высмотрите, родители?! Вы что, не понимаете?! У вас растёт потенциальный убийца! – Арбен кричал, словно ошпаренный.

– Сейчас мы во всём разберемся! – Варнор не обращал внимания на раздававшегося воплями соседа, осознавая одну простую вещь – если он сорвётся, то Арбену не то, что зубов, головы будет не сносить.

– Не нужно ни в чем разбираться! И так всё ясно! Выпороть его надо! – продолжал свирепствовать тот, размахивая перед каменной фигурой Варнора короткими пухлыми ручонками.

– А вы не спрашивали своего сына, за что он лишился столь прекрасных зубов? Ты не рассказывал, Грен? – спускаясь с лестницы, вдруг встрял в разговор Флаури.

Пока Арбен, брызгая слюной, вторил, что необходимо наказать отбившегося от рук мальчишку, Флаури коротко рассказал брату суть произошедшего. Джорджию лишь поморщился, и под его строгим взглядом Грен даже начал заикаться.

– Н-нет, не рашшказыв... – закрыл рот рукой сын Арбена, понимая, как нелепо он сейчас выглядит.

– Расскажи нам, Флаури, – медленно переведя взгляд на сына, твёрдо произнёс Варнор. Тимбертон вкратце пересказал случившееся днём и добавил:

– Можете спросить у трактирщика Фрагона. Он видел всё собственными глазами.

– Мой сын не разбойник! Он не мог этого сделать! Ведь правда, Грен? – затормошил сына Арбен, пытаясь добиться ответа.

Толстяк судорожно замотал головой.

– Вот видите! Он никогда мне не врёт! Я думаю, это опять ты, Флаури, всё затеял, а теперь хочешь свалить на моего сына! – не своим голосом завопил Арбен.

«Опять? Ничего себе! Да, дела!» – подумал Флаури. – Это почему ещё? – выпалил он.

– А не ты ли вечно прибегаешь со двора и кидаешься в драку с моим сыном, когда он с друзьями играет на улице? – тыкал коротеньким толстым пальцем в сына Варнора Арбен.

– На то есть причины! Просто кто-то боится пожаловаться на вашего сына! Вы же не знаете, что он творит в ваше отсутствие! – не отступал младший Тимбертон, чувствуя, как безудержная буря эмоций охватывает всё его тело.

– Он хорошо воспитан! И не позволит себе дурных поступков! Это уж я знаю, поверьте мне! – Арбен погрозил Флаури тем же пальцем.

Сын Варнора не выдержал такого придурковатого словесного бреда и просто-напросто выложил всем присутствующим накипевшее:

– Я ничего доказывать не собираюсь и оправдываться не буду! Не хочу таким образом признавать себя виноватым! Вы чего теперь от меня хотите? Чтобы я зубы ему вставил? Не умею! – Раскинул руки Флаури. – А если ваш тупоголовый сынок на этом не успокоится, пусть знает, что в следующий раз я ему ещё и мозги вышибу, если они у него есть!

– флаури! – пыталась остановить его мать, однако тот ничего не слышал и продолжал. Отец же спокойно стоял рядом с Эмилией, терпеливо ожидая, пока его отпрыск закончит. Он легонько сделал жене знак рукой, что ситуация под контролем.

– Если вы не хотите верить ни во что, кроме слов вашего безгрешного сыночка, который только и умеет, что прятаться за спины своих прихвостней, то, пожалуйста, разбирайтесь сами! Я не желаю слушать ваш бред! А тебе, Грен, я напомним – вздумаешь ещё раз попробовать на мне нажиться, это выйдет для тебя намного дороже, чем пара выбитых зубов! – закончив, Флаури быстрым взглядом обвёл лица присутствующих, которые застыли, словно восковые фигуры. В доме воцарилась вязкая, удушающая тишина, словно все вмиг вымерли, а время приостановило свой непрерывный ход. Из конюшен донеслось конское ржание.

В глазах Арбена разгоралась невообразимая ярость. Его лицо стало почти багровым, кулаки сжались, правая нога судорожно задёргалась в колене. Мать и отец Флаури выглядели так, будто перед ними стоял не сын, а совершенно чужой человек, непонятно как оказавшийся в их доме. Никогда в жизни они не видели его таким. Их ребёнок всегда был скромным, в общении со взрослыми не позволял себе грубого тона. Джорджию же почти сиял от гордости за брата. Через поджатые губы сочилась еле сдерживаемая улыбка.

Внезапно Арбен сделал движение в сторону лестницы, где стояли братья. Увидев это, Джорджию вышел вперёд, а Варнор вдруг проревел громоподобным голосом:

– Если ты хочешь сделать что-то, что унизит честь моего сына, будешь вместе с отпрыском ходить без зубов! – услышав это, Арбен потупился и, бросив что-то неразборчиво-ругательное, вытолкнул Грена за порог и захлопнул за собой дверь.

– Браво, Флаури! Наконец-то на деле показал, что ты всё-таки мужик! – похлопав по плечу брата, восхитился Джорджию.

– Очень смешно! – раздражённо бросил тот.

– Да ладно. Давно пора было дать понять жирдяю, что не всякого в этой деревне можно поднять под себя! – улыбка не спадала с лица Джорджию ни на секунду.

– Всё, инцидент исчерпан! С Арбеном я ещё поговорю. А тебе, Флаури, придется извиниться перед Греном, – скрестив руки на груди, вынес вердикт самого справедливого для братьев суда отец.

– Но, пап! Он же... – попытался возразить Флаури.

Лучше оказаться запертым в той самой комнате и распугивать свиней диким рёвом, чем извиняться перед заклятым врагом неизвестно за что.

– Ничего не хочу слышать! У тебя, по крайней мере, зубы целы остались. Всё, ужинать! – на этом Варнор развернулся и твёрдыми тяжёлыми шагами проследовал в кухню, где Эмилия уже принялась готовить. Спорить с отцом было бесполезно, и Флаури это знал. Покачивая от досады головой, он, волоча ноги, двинулся к рукомойнику.

* * *

Наутро младший Тимбертон почувствовал, как всё тело буквально наполнилось новой жизнью благодаря вчерашним примочкам из эйрских луговых трав и свиного жира, что бережно прикладывала к синякам мать.

«И как она только умудряется приводить в чувство изнывающее от боли тело всего за одну короткую ночь?»

Точно волшебница, Эмилия легко справлялась с любыми синяками, коих немало набивали себе братья в бесконечных утренних схватках. Да и Джорджио, бывало, возвращался из академии, покосившись на один бок. А Флаури и вовсе частенько попадал в истории, рассказывая затем, что упал с крыши сарая.

Лечебные травы Эйрдалла славились своими заживляющими свойствами на весь Эруад. Еще во времена Сарветанга – великого ежегодного праздника, проходившего в Срединных землях в Храме шести богов, эти травы ценились не меньше крианитовой руды, что добывали вьорны во время извержения их Чудесного Вулкана. Любые болячки, синяки и ссадины сходили за считанные часы, глубокие порезы, затягиваясь, не оставляли шрамов, а болезней жители Эруада и вовсе не знали долгое время. Но знаниями сбора трав обладали лишь дриады Эйрдалла, что ушли вместе с эльфами на Эдиан несколько столетий назад. И теперь люди, заселившие прекрасные леса нимф, лишь методом проб и ошибок изучали алхимические свойства каждого из миллионов растений, быстро увядавших после Месяца Вечного Древа. Говорят, что дриады собирали травы исключительно эти тридцать дней, когда леса наполнялись едкой смертоносной пылью цветущего Древа – Чуда Эйрдалла, а травы наливались высшими целебными свойствами. Сейчас же эйрцы довольствовались лишь тем, что могли собрать по прошествии месяца, ведь секрета выживания дриад в ядовитой пыли не смог разгадать никто. Она обжигала кожу, словно огонь, разъедала глаза, будто кислота, а вдохнув её, не избежать было смерти.

В цене травы и цветы выросли в несколько раз, хоть и обладали теперь более слабым лечебным эффектом, ведь в Алакорт их доставляли из Эйрдалла не через Дьвервенмарскую равнину, а по западному тракту до гор Хагерита, а затем – в Къёрденфелл, минуя опасные болота вьорнов. Такой неблизкий путь хоть и не таил в себе столько опасностей, сколько северный тракт, но пройти его оказывалось целым испытанием.

На вопрос Джорджио по поводу тренировки Флаури одобрительно кивал и стал собираться. Сегодня они встали на два часа позже, поскольку у Джорджио был выходной в академии. Наскоро накинув рубаху, порты, натянув сапоги и тёмно-коричневую кожаную тунику, сделанную кожевником Мартеном по просьбе Варнора, Флаури выскочил из дома.

На улице только начала просыпаться жизнь. Солнце уже показалось из-за восточных заснеженных холмов, заливая ярким и тёплым утренним светом всё вокруг. Жители лениво разбредались по своим делам. После ночного дождя пахло свежей проснувшейся после зимы зеленью.

На этот раз братья не стали сломя голову бежать к облюбованному ими месту, решив насладиться прекрасным погожим утром, а потому медленно двинулись в сторону северного леса.

Дорога вилась меж низенькими и изрядно покосившимися, словно от усталости, домами. Деревня расширялась в сторону Даллор-Кура, заняв всё свободное пространство на возвышенности.

В Веорне насчитывалось около ста пятидесяти жителей. Большинство занималось торговлей на рынках Даллор-Кура, имея в своем распоряжении собственное хозяйство. Немногие жили лишь тем, что производили на полях, либо собирали в окружающих лесах. Благо, природа в северных краях не щадила богатств.

В деревне только красно-коричневый дом (и одновременно резиденция старосты Веорны) был отстроен в три этажа с красной черепичной двускатной крышей. Слева имелась светло-зелёная двухэтажная пристройка – местный Зал Советов и Суда. Высокие и узкие окна с красивыми резными ставнями, окрашенными золотистой краской, занавешены вязаной тканью. Это означало, что хозяева всё ещё спят. Да и чего вскакивать в такую рань в воскресенье?!

Добравшись до вершины холма, братья застыли в изумлении. Просыпавшаяся природа полыхала такой непередаваемой красотой, что хотелось вечно наблюдать за этой прекрасной картиной. Зелёная поверхность холмистых пространств медленно заполнялась пока ещё туск-

лым, но уже согревающим солнечным светом. Внизу, извиваясь, как неведомая бело-синяя змея, бежала бурная Сиенна.

Всё вокруг наполнилось ласкающими слух звуками: весело перекликаясь, гаркали, чирикали и свистели птицы; то и дело сновали по веткам белки; лёгкий ветер гулял и шумел в траве, листьях деревьев, и таял, исчезая где-то за холмами. Несколько минут природа пела свою утреннюю песню, и вдруг благородную мелодию нарушили звуки ударяющихся друг о друга клинков. Братья вновь начали извечную битву, ловко уворачиваясь и нанося новые удары.

Флаури внезапно почувствовал, как просыпается боль в боку, куда вчера зарядил Грен, и на мгновение потерял бдительность, чем не преминул воспользоваться Джорджио. Удар, ещё удар. Толчок в грудь. Затем меч Флаури, выставленный для отражения удара, с хрустом сломался, а сам он, не удержавшись, покатился по травянистому склону.

– Чего разлёгся? Давай, поднимайся! Сразимся врукопашную! – крикнул сверху брат, но Флаури внезапно поднёс указательный палец к губам.

– Слышишь? – спросил он, показывая в сторону леса.

– Нет! Ничего не слышу! – нетерпеливо замотал головой брат. – А ну, залезай, иначе я спущусь к тебе сам! – вновь прокричал Джорджио, но младший брат махнул на него рукой и медленно поднялся на вершину.

– Какая-то странная тишина. Тебе не кажется? – оглядываясь, сказал он.

Действительно, всё вокруг вдруг стихло: перестали петь птицы; ветер, словно от испуга, скрылся за Гарадскими горами. Даже течение Сиенны, казалось, замедлило свой бушующий поток, прислушиваясь к чему-то зловещему.

– Крики! Ты слышишь? – почти беззвучно спросил Флаури.

– Что?

– Кричит кто-то! – раздраженно тыкнул младший на юг.

Джорджио напрягся, прислушиваясь к непонятному шуму, доносящемуся из-за леса.

– Это из деревни, – мрачно произнёс он, и в следующий же миг двое уже неслись вниз по склону.

– Убийца! Помогите! Это он! На дыбу его! – услышал Флаури и в полном недоумении вдруг остановился, когда они с братом вбежали в деревню. Ребята увидели, как возле их бревенчатого двухэтажного дома столпился народ, а впереди всех, размахивая руками, колотилась в дверь Дори, жена Арбена. Наскоро накинутый желтоватый домашний халат, растрёпанные тёмно-русые волосы, босые ноги – всё говорило о том, что торопилась Дори в гости к Варнору очень сильно, созывая по пути толпу поддержки.

– Ничего не пойму... – негодовал Джорджио.

– Надо посмотреть, – сказал Флаури, в глубине души понимая, что между отцом и Арбеном произошёл конфликт.

Они подбежали к бушующей толпе и попытались поинтересоваться причиной столь серьёзного беспокойства, однако на них только мрачно косились и отворачивались. В окна полетели камни, люди кричали, размахивая кто вилами, кто палками или топорами и требовали, как выяснилось, жестокой расправы.

– Варнор! Это он убил! Выходи, ничтожество, и ответь за свой мерзостный поступок! – кричала Дори, обливаясь слезами.

Повернувшись к толпе, она вдруг увидела позади всех Флаури и Джорджио и, очертя голову, кинулась к ним.

– Эт-то в-всё ваш от-тец! Это он у-убил е-е-его! – захлебываясь, ревела Дори.

– Кого?! – в один голос воскликнули братья.

Дори одёрнулась и несколько секунд в недоумении смотрела на них.

– Мужа моего! Это он! – вновь взревела она.

На дороге показался деревенский староста Джолл с небольшим, в шесть человек, отрядом стражников. Смуглый, высокий, телосложением едва уступал бывшему, но всё же кузнецу Варнору. Длинные прямые волосы мужчины имели абсолютно неестественный, но родной белый цвет, обвораживающий приятным и ласковым блеском. Наскоро надетый тёмно-синий плащ с высоким воротом и шитыми золочёными нитками краями бортов развевался при быстрой ходьбе, словно Джолл парил над землёй. Видно было, что тревожными вестями его вырвали из постели – под плащом виднелась белая ночная рубаша, а на ногах вместо привычных чёрных кожаных сапог с серебристыми пряжками на ремешках болтались клоги, производимые искусными мастерами севера из различных видов древесины, не поддающейся растрескиванию. Такая обувь удобна для ношения в заболотистой местности, и по деревенской грязи в ней не замочишь ног, да и не придётся пачкать выходные сапоги.

Неукротимо яростный взгляд карих глаз насквозь прожигал разбушевавшуюся толпу, которая в тот же миг отступила и замолкла. Стражники выставили мечи и щиты, готовясь в любой момент дать отпор сельчанам. Староста остановился, и стражники встали рядом с ним по трое с каждой стороны.

– Что здесь происходит? – чуть вскинув подбородок, медленно произнёс он.

Началась неразбериха, со всех сторон кричали люди, перебивая друг друга. Джолл резким движением вскинул правую руку, и тотчас громогласный шум сменился полной тишиной. Староста сделал ещё одно движение, указав на Дори и давая знак говорить.

– Мы... Я... Это он, Варнор! Он – убийца! Он... – запинаясь, кричала Дори.

– Хватит! – властным голосом остановил её Джолл. – Кого он убил?

– Моего мужа! – наконец, успокоившись, произнесла она.

– Кто видел, как это произошло?! – обводя глазами толпу, крикнул староста. Ответом ему было молчание. Кто-то мотал головой, кто-то отводил глаза.

Джолл презрительно фыркнул.

– Так вот, как вы вершите правосудие, граждане великого Алакорна, храни вас всех Фар-Фалиен! – начал поучительную речь староста. – Бросаетесь с дубинами и вилами на человека, не убедившись наверняка, что он совершил преступление, и должен быть предан Справедливому Суду. Что вы делаете вместо этого? Чем вы сейчас отличаетесь от племени диких и безмозглых вьорнов? Это им ещё не чужды насилие и убийства соплеменников! Это им неизвестны такие понятия, как справедливость и честь! Ради чего мы воевали с ними? Чтобы в конце концов стать такими же, как они?

Все опустили головы. Даже Дори перестала причитать.

Джолл продолжал:

– Сейчас прошу всех разойтись по своим делам! О времени разбирательства вам будет сообщено позже.

Под пристальным взглядом старосты народ разбрёлся в разные стороны, то и дело негодуяще бормоча. Но спорить никто не стал. Остались только Джолл, Флаури, Джорджио и Дори. Она села на крыльцо, закрыв голову руками, и тихонько заплакала.

– Милейшая, – спокойным голосом обратился к ней Джолл, – приношу свои искренние соболезнования и обещаю, мы докопаемся до истины, – после короткой паузы староста добавил: – Он в доме?

Женщина кивнула.

– Идите к её дому и охраняйте до моего прихода. Гарт, осмотри там всё. Потом доложишь, – шёпотом приказал он двум стражникам, и они, кивнув, развернулись и направились к указанному месту.

– Дорианна, прошу проследовать в мою резиденцию, там о вас позаботятся.

Он указал ещё на двух стражников, и те, легонько подхватив Дори под руки, удалились.

– Нелёгкая нам предстоит работа, друзья, – невозмутимо заметил Джолл, проводив женщину взглядом.

– Папа не мог никого убить, староста Джолл! – испуганно выговорил Джорджио.

– Хотелось бы верить, – глядя в разбитые окна дома, произнёс Джолл. – Произошло убийство, и кто бы это ни сделал, он ответит по всей строгости закона! Но, хочу вам сказать, ничего хорошего в случившемся нет. Если люди стали убивать, то впору задуматься, насколько спокойно мы будем жить дальше.

На втором этаже послышался треск осколков стекла, кто-то медленно подбирался к окну. Через полминуты они увидели голову Варнора:

– Уважаемый! – обратился он к старосте. – Как же так можно? Нелюди какие-то! Чуть меня с женой тут не перебили! Ребята, вы в порядке? – прорычал сверху Варнор. Братья удовлетворительно кивнули. Оба стояли молча, застыв от опустошающего душу страха за своих родителей. От пережитого они словно потеряли дар речи, однако, увидев отца, тотчас вздохнули с облегчением.

– Сам не знаю, что на них нашло! Позволишь войти, почтенный? – спросил Джолл, и Варнор, пробормотав что-то вроде «ах да, конечно», вновь заскрежетал битым стеклом.

Громадная, обитая железом, испещрённым свежими царапинами и вмятинами, дверь отворилась с чуть слышным скрипом. Братья, а затем и Джолл с охраной вошли внутрь. Ребята тут же бросились обнимать отца.

– Где мама? – спросил Флаури.

– Наверху. Только за неё и переживал, когда они заявились. Не волнуйтесь, с ней всё в порядке, – успокоил детей Варнор и перевёл взгляд. – Здравствуй, Джолл! Не могу сказать тебе «доброе утро»...

– И правда! За всю мою службу здесь не случилось подобного. Тревожно как-то, – повёл подбородком тот.

За дверью послышался топот солдатских сапог. На пороге показался стражник.

– Заходи и докладывай, – Джолл махнул солдату рукой.

– Значит, так. Арбен лежит у себя в гостиной с проломленной головой, кровь с мозгами повсюду... – все невольно поморщились.

– Что?! – взревел Варнор.

– Рядом лежала вот эта кувалда, – продолжал стражник. – Никаких признаков борьбы... Думаю, что он просто не успел что-либо сообразить. Удар, скажу я вам, был громадной силы – такую штуковину даже я с трудом поднял.

– У тебя ведь есть кувалда, Варнор? – староста перевёл взгляд на бывшего кузнеца. В нём читалось неприкрытое подозрение.

Варнор и не думал отнекиваться.

– Есть. И я могу точно сказать, что вот эта, – он указал на огромный молот, что был в руках у стражника, – моя. Но я не убивал Арбена! Что я, ненормальный, с кувалдой расхаживать по городу, да ещё и на месте убийства её оставлять? – совсем не дружелюбным тоном прогремел Варнор.

Джолл задумчиво отвёл взгляд.

– Действительно, странно получается... Мы постараемся всё выяснить, – снова заговорил он. – Через неделю состоится собрание Справедливого Суда. Мне ещё необходимо отправить в Даллор-Кур за Королевскими Мастерами. Не покидай дом. Я пришлю за тобой стражников чуть раньше двенадцати в субботу. А для твоей же безопасности возле дома будут дежурить мои люди.

Варнор озадаченно кивнул.

* * *

Всю неделю Варнор просидел взаперти в четырёх стенах, изнурённый бездельем и скукой. Вдобавок душу грызла раздирающая скорбь. Арбен хоть и не был ему другом, но всё же человеческая жизнь стояла превыше всех других благ. Да и кто сейчас сможет вспомнить, когда последний раз в Веорне случилось столь жестокое и бесчеловечное преступление.

Джорджио пропадал в академии, а Флаури бродил по улицам, пытаясь уловить хоть малейшее упоминание о произошедшем в разговорах. Но, завидев его, люди тут же переводили тему беседы.

К дому Арбена было не подобраться. Днём и ночью возле входов дежурили стражники Джолла. Внутри происходили непрекращающиеся поиски маломальских зацепок для расследования дела.

Джолл, как представитель судебной власти в Веорне, не имел права общаться с посторонними во избежание давления и подрыва объективности принимаемого решения. По его поручению всеми предсудебными действиями руководил Гарт, начальник деревенской стражи – рослый, смуглокожий, тучного телосложения, с лицом, повидавшим немало смертельных боёв за королевство, и испытавшим на себе остроту вражеского клинка. Шрам, тянувшийся от правой брови до подбородка, придавал стражнику очень грозный вид, хотя человеком он казался наидобрейшим. Может, так на него влияла спокойная деревенская жизнь, благодаря которой он напоил себе пивное брюхо в «Сокровище Гарада». По рассказам местных капитан Гарт сослужил верную службу королевству в бесчисленных боях с вьорнами в молодости, а затем – в битвах при Ингилиате, где его покалечил огромный тролль, ударом молота раздробив левое колено. По возвращении в Даллор-Кур Гарта наградили королевским орденом за Величайшую Отвагу, и с почестями отправили на пенсию. Теперь он мог командовать деревенской стражей в самом, наверное, спокойном уголке мира.

Правда, эта неделя выдалась на редкость суматошной. Пришлось выполнить массу скучной, но необходимой работы для определения круга лиц, находившихся в момент убийства Арбена в деревне. Таких оказалось больше половины населения – в тот день было воскресенье.

Каждого необходимо было опросить, выяснить, где и с кем находился, чем был занят, видел ли, слышал ли что-нибудь странное. Большинство в такое раннее время спали, но нашлись и те, кто всё-таки приметил немаловажные для следствия детали.

* * *

В намеченный субботний час, когда солнце застыло на вершине своего дневного пути, к зданию резиденции старосты потянулись люди со всей деревни. Они выглядели мрачными. Казалось, будто по земле плывет чёрное зловещее облако Тёмной Силы, посланное неизвестным, дабы растворить в себе всё вокруг и уничтожить живое.

Люди проходили в просторный зал двухэтажной пристройки и рассаживались на красно-коричневые скамьи с высокими резными спинками. Огромные, в два человеческих роста, окна были завешены чёрной плотной тканью, откуда на собравшихся строго поглядывал золотой дракон, выжигающий Свободный Путь через полчища врагов, на который затем ступили подданные королевства, – так, по крайней мере, гласила легенда. На противоположной стене возвышались старинные гобелены с изображением разных исторических эпох Алакерна. Вот и тысяча триста пятый год – заселение людьми территорий вьорнов, что были изгнаны богами с родных земель. Рядом – кровавое сражение с орками, триумфы и победы, становление королевства.

Помещение зала освещалось несколькими десятками факелов, расположенных по всему периметру, а над головами присутствующих нависала огромная свечная люстра, закреплённая под потолком цепями. Скамьи для пришедших располагались в два ряда и вмещали ни много ни мало около сотни человек.

Все взоры сейчас были направлены на сидящего в дальнем углу Варнора. Лица присутствующих искажала кровожадная ненависть к запертому в клетке (скорее – для его же собственной безопасности) человеку, и неважно, виновен он в случившемся или нет.

В самом конце за длинным, почти во всю ширину зала, резным столом из красного дерева сидел староста Джолл. Слева и справа стояли ещё два кресла из того же дерева, обитые коричнево-бордовой тканью. Вдоль стен между столом старосты и скамьями для пришедших располагались скамьи для тех, кто будет участвовать в разбирательстве. По одну сторону сидели Дори и Грен, по другую – Эмилия с сыновьями.

Толстяк глядел на Флаури исподлобья, как на своего самого заклятого врага. Но тот не обращал на него внимания, ведь он ничего не потерял, хоть и обрёл в Грене ещё более злого противника. И какая разница, что будет между ними дальше. Лишь бы отца признали невиновным.

В намеченное время двери зала закрылись, и пространство заполнила удушающая, разьедающая глаза тишина. Даже огонь настенных факелов словно замер в ожидании. Флаури чувствовал на себе посторонние взгляды, – отнюдь не ласковые, какими каждый день встречали его на улице односельчане. Но он держался спокойно, стараясь не заглядывать в недружелюбные лица.

Флаури сидел и крутил в руках серебряную монету, подаренную отцом на шестнадцатилетие прошлой весной. Она представляла для него особую ценность, ведь её вручил Варнору сам Второй наместник короля Фаррогота Дорвен на памятной церемонии в Даллор-Куре за самые качественные мечи, ковавшиеся мастером, который сейчас является единственным подозреваемым в убийстве.

«Каково же сейчас отцу?» – младший сын Варнора посмотрел в сторону клетки.

Варнор сидел, сложив руки на груди. Он держался гордо, словно генерал, которому вот должны вручить очередную королевскую награду. Мужчина видел в лицах смотрящих на него людей лишь ожидание признания. Они не потерпят оправдательного приговора. Те, кто ещё вчера были его лучшими друзьями, сегодня стали злейшими врагами.

Всё затягивалось. Находиться в зале стало для Флаури совершенно невыносимо. Во рту пересохло, к горлу подступил комок, на лице выступили капельки пота. Тело постепенно поглощало жар, словно испепеляющие взоры то и дело пытались сжечь его дотла.

«Чего они ждут? Все ведь здесь!» – мысленно недоумевал Флаури.

Староста молчал. В зале уже начали перешёптываться, но вдруг с улицы донёсся стук копыт. Вскоре недавно запертые двери вновь распахнулись. В помещение вошли два высокорослых худощавых человека, облачённых в чёрные кожаные доспехи. За их спинами развевались плащи с геральдической символикой Алакорна – золотым драконом. На поясе у каждого висел длинный клинок в позолоченных ножнах.

Они проследовали через весь зал, предъявили старосте верительные грамоты и расположились по разные стороны от него.

– Прошу приветствовать distinguished представителей двора короля Фаррогота – судья Корст и судья Бьорн, посланные Вторым наместником по моему прошению в виду совершения преступления, запрещённого Красным Кодексом королевства. Они будут вместе со мной выносить решение по делу. В беспристрастности, справедливости и объективности этих судей не усомнился ещё никто. Теперь мы готовы начать Справедливый Суд! – произнес Джолл и добавил: – Сейчас я ознакомлю всех с регламентом. Первым даю слово человеку, который расследовал это убийство, изучал доказательства и опрашивал свидетелей, затем выступят находящиеся на белой скамье, на стороне погибшего. Следующими берут слово сидящие на чёрной скамье. В заключении – те, кто располагает сведениями, относящимися к делу.

Прошу всех соблюдать тишину! За нарушение порядка буду наказывать монетой! Итак, после всех выступлений представители Справедливого Суда выносят вердикт. Тайно. Никто

не будет знать, кто и какое решение принял. Каждый из нас троих напишет на листе, скреплённом королевской печатью, только одно слово. После подсчёта голосов будет оглашена судьба человека, который сегодня подвержен Суду. А теперь мы, представители Справедливого Суда, дадим клятву беспристрастности.

Все трое встали и положили ладони левой руки на грудь. Джолл звонким голосом начал клятву:

– Во имя великого короля Фаррогота! Во имя великого Алакорна! Во имя всемогущего Фар-Фалиена! Клянёмся свято исполнить возложенный на нас долг и честью своей и головою ответить перед королевством за наш Справедливый Суд.

– Клянусь!

– Клянусь!

– Клянусь! – прогремели три голоса после окончания клятвы, и все трое опустились в кресла.

Первым выступил капитан Гарт. Хрипловатым, но сильным голосом он изложил детали расследования:

– В доме помимо трупа Арбена не обнаружено иных следов. Ни грязи с сапог, ни сломанной мебели, ни взломанных замков на дверях. Только орудие убийства – огромная кувалда со следами крови на набалдашнике. Клеймо на кувалде указывает на принадлежность инструмента мастеру Варнору.

– Это моя кувалда! – прорычал вдруг Варнор. – Но я понятия не имею, откуда она там взялась!

– Тише, Варнор! – прикрикнул на него Джолл. – Вам будет дано слово.

Подсудимый опустил голову.

– Следов во дворе также не оказалось, – продолжал капитан Гарт, – грязи по колено и ни одного следа. Исключая всякую возможность проникновения преступника через двор. Опрошенные мной жители в большинстве своём ничего не видели, кроме кузнеца Логрина. Его показания мы выслушаем в конце. Более по данному делу мне сказать нечего.

После выступала Дори. Дрожащим, едва сдерживающим слёзы голосом она вкратце рассказала судьям о конфликте между её сыном и Флаури, между Арбеном и Варнором.

– Рано утром, – продолжала она, – я собиралась пойти в конюшню и покормить лошадей. Выходя из дома, я увидела Варнора, который направлялся к нам. Он сказал, что ему нужно поговорить с моим мужем. Затем он вошёл, а я отправилась в конюшню. По истечении примерно двадцати минут я вернулась. В доме было тихо. Обычно мой муж всё время шумел, разбираясь поутру со своими товарами. Я вошла в гостиную и... – она вдруг залилась слезами и некоторое время стояла, закрыв лицо руками. – Я обнаружила Арбена... Мёртвого, лежащего на полу. Всё было забрызгано кровью. Рядом лежала кувалда.

– Что-нибудь ещё можете добавить? – успокаивающим тоном спросил староста.

Дори только покачала головой.

Дальше были приглашены по очереди Грен, Флаури и Джорджио. Первые два смогли лишь рассказать о произошедшей между ними стычке, причём каждый на свой манер. Больше они ничего не знали, так как Флаури во время убийства не было в деревне, а Грен крепко спал и ничего не слышал.

Джорджио вообще почти ничего не сказал, только повторил, что Арбен приходил вчера вечером к ним домой и сильно ругался, но ссоры, а тем более драки между ним и Варнором не было. Так что его отцу незачем было убивать односельчанина.

– В зале есть лица, которые что-либо видели тем утром? – спросил Джолл.

В задних рядах началось какое-то беспокойство, и спустя несколько мгновений встал Логрин, местный кузнец. Правда, телосложением он больше был похож на мясника. Серые всклокоченные волосы, мешки под глазами, нездоровый бледно-жёлтый цвет небритого лица

и грязная засаленная рубаха свидетельствовали лишь о том, что кузнец давненько не принимался за работу, убивая время с кружками спиртного в «Сокровище Гарада». Он вышел к центру зала неуверенным шагом. Большие, даже подозрительно большие глаза смотрели сквозь сидящих впереди судей, словно остротой зрения кузнец не отличался. Он заговорил слегка дрожащим, как заметил Флаури, низким голосом:

– Я видел, как воскресным утром Варнор шёл к дому Арбена. В руках у него были свёрнуты большие лоскуты. Мне показалось, что это кожа. Я не придавал этому никакого значения, поскольку Варнор часто с утра заходит... – он слегка запнулся, – заходил к Арбену, они договаривались о продаже. Арбен покупал кожу у Варнора, а затем перепродавал через своих торговцев на юг.

– Скажите, а вот эта кувалда могла быть завернута в те кожи? – Джолл достал из-за стола орудие убийства и показал его Логрину. Тот резко поморщился, увидев на набалдашнике запёкшуюся кровавую массу.

– Вполне может быть! – с хитрецей ответил Логрин.

Варнор вспыхнул.

– Чего ты городишь? Да в те тряпки, что я нёс Арбену, даже ложку было не завернуть!

– Это смотря какая ложка! – крикнул в ответ Логрин.

– Уж конечно! Глянешь на тебя, сразу ясно, какой ложкой ешь ты! Любой горный гигант обзавидуется! – голос Варнора стал чуть тише, но злости в нём только прибавилось. – Самая обычная ложка.

– Ага, которой можно голову проломить! – продолжал нагнетать обстановку Логрин.

– Да это тебе пора голову проломить за клевету! – Варнор уже буквально кипел от ярости, его кулаки были сжаты так сильно, что костяшки побелели.

– Вы слышите, он теперь и мне угрожает! Одного убил – мало! – Логрин ткнул пальцем в сторону клетки.

«Чем же ему так не угодил Варнор? Может, это старые обиды по поводу кузнечного ремесла? Ведь именно Логрин тогда хотел получить место подмастерья в кузнице моего отца», – мелькнула мысль в голове у Эмили. – «Но не таким же способом...»

Вдруг она вскочила. В это время Джолл слегка ударил ладонью по столу.

– Как ты смеешь порочить достоинство моего мужа, не зная наверняка, что там произошло! – Эмилия гневно воззрилась на ненавистного Логрина.

– Послушайте! – обратился он к судьям. – После того, как убийца вышел, никто больше в дом не заходил. А через пару минут вернулась Дори, и... я услышал крики.

– Ты что, башкой об наковальню ударился, безумец?! – Варнор вскочил и с такой силой ударил в решётку, что та зазвенела, однако не поддалась. Сложилось ощущение, словно разъярённый дикий зверь пытался вырваться на волю из заключения. – Будто у Арбена нет других выходов в доме! Да на одном только заднем дворе целых две двери! И что, оттуда никто не мог бы попасть в дом?!

Логрин потупился и хотел сказать что-то ещё, но его опередил Джолл. Он ударил кулаком по столу так, что двое сидящих по обе стороны от него едва не свалились с кресел.

– Предупреждаю в последний раз: порядок! Ты всё по делу сказал, Логрин? – понизив голос, спросил Джолл.

Тот только кивнул и попытался удалиться на своё место.

– Стой на месте! У меня есть к тебе вопросы! – Джолл снова повысил тон. Логрин неловко поёжился. – Где ты был, когда Варнор посетил Арбена?

– У себя в кузнице... – в голосе кузнеца чувствовалась неуверенность.

– Если я не ошибаюсь, твоя кузница находится в семидесяти шагах от дома Арбена, – ткнул в Логрина указательным пальцем Джолл, и тот кивнул. – А глаза не могли тебя подвести?

Что-то я не припомню, чтобы ты славился на всю округу орлиным взором! Мог ли ты видеть, что именно нёс в руках Варнор?

– Я не уверен, конечно, но мне показалось...

Джолл приподнялся в кресле:

– Если после суда я посажу тебя в клетку и скажу, что мне что-то показалось, и от моего решения будет зависеть судьба головы на твоих плечах... Мне нужны факты!

Зал вновь наполнила тишина.

– Настало время высказаться тебе, Варнор. Однако прошу, без оскорблений, – предупреджающим тоном проговорил Джолл.

Варнор встал, выпрямился и твёрдым спокойным голосом ответил:

– Меня обвиняют в страшном преступлении, которого я не совершал, а вы хотите, чтобы я проявлял уважение к вашим горе-свидетелям?!

– Варнор! – покосившись на мастера-скотовода, почти прорычал Джолл.

Мужчина кивнул, мол, так и быть. Тяжело вздохнув, он начал свою правду:

– Дорогие друзья! – начало ему далось с большим трудом. Он понимал, что сейчас мало кто из присутствующих в зале считает себя его другом, но всё же продолжил: – Я не буду разводить длинные речи для своего оправдания, хочу лишь сказать, что я не совершал этого преступления. Я сам не могу понять, как так сложились обстоятельства, указывающие на мою возможную причастность. Может, меня просто подставили... Зачем... Что и кому я сделал плохого? – Варнор спрашивал не у сидящих в зале. Он спрашивал у себя самого, пытаясь понять, кому мог перейти дорогу, и никак не находил правильного ответа. Мужчина склонил голову и опустил на стул.

Джолл всё это время сидел неподвижно, подперев кулаком подбородок, а двое других судей и вовсе почти не шелохнулись за всё время Суда.

Трое стали совещаться. Выглядело это, правда, весьма странно. Говорил только Джолл, остальные лишь кивали головами. По лицу старосты можно было прочесть, что он находится в лёгком недоумении от такого совещания.

Вскоре Джолл дал им сигнал, и все принялись писать на жёлтой королевской бумаге дальнейшую судьбу Варнора. Флаури видел однозначность решения на лицах судей. Но каким именно оно окажется?

Все три листка были сложены втрое и переданы заместителю Джолла Мадо, который всё это время стоял у него за спиной.

Дабы сохранить тайну голосования, Мадо перемешал листки в бронзовом горшке. После рука заместителя Джолла медленно потянулась за первым вердиктом.

Зал замер. Наверное, сейчас можно было услышать хор бьющихся сердец.

– Невиновен! – развернув листок, показал его всем Мадо.

Послышались вздохи облегчения и одновременно раздражённое ругательство, кто-то радостно припрыгнул, другой же плюнул на пол. Джолл поднял руку, и тишина вновь воцарилась в зале Справедливого Суда.

Флаури поймал на себе взгляд Джолла, такой успокаивающий и тёплый. Значит, один голос у Варнора есть. Но был ли это голос Джолла или кого-то из Мастеров?

Тимбертон-младший с надеждой смотрел на следующий разворачивающийся листок. От неумолимо долгого ожидания он до крови искусал губы, но сейчас боли не чувствовал вовсе.

Ещё одно... И всё... Свободен... Ну же!

– Виновен! – второй раз прокричал Мадо.

Флаури с досады ударил себя по коленям. Джорджио скорчил недовольную гримасу. Эмилия сначала покраснела, затем побелела, а когда Мадо вытащил из горшка третий, решающий вердикт, она едва совладала с собой, чтобы не потерять сознание.

Джолл в это время непонимающе оглянулся на представителей Даллор-Кура. Но те двое сидели спокойно, уставившись невидящими глазами в Мадо.

– Именем короля Фаррогота, правителя великого Алакорна, находящегося под защитой Всемогущего Фар-Фалиена, – взглянув на последний лист, громко кричал Мадо, – Варнор Тимбертон признаётся...

Всё поплыло перед глазами Флаури. Время будто остановилось, туман заполнил окружавшее его пространство, голоса искажались до неузнаваемости. Он проваливался в бледно-серую пропасть неизвестности. И становилось невыносимо тошно от всей этой притворной справедливости, которая «есть основа каждого поступка человека...», которую «подарили нам боги и сам Фар-Фалиен спустился с заоблачных высот, дабы наделить ею живущих». Он вдруг ощутил себя жалкой песчинкой в необъятной пустыне людского безумия и ненависти, которые сжимали его душу в стальные тиски, пытаясь овладеть ею, сковать навеки прочной цепью. Сын Варнора отчаянно сопротивлялся, стараясь выпутаться из охватившей его бездны, но все попытки разбивались о несокрушимую стену чего-то обжигающего, отталкивающего с невероятной, исполинской силой. В очередной раз попытавшись пробиться сквозь жар огненной сферы, воля Флаури бесследно растворилась в чёрной пропасти и, ощутив острую боль, он потерялся в глубинах сознания.

Глава 2

Сила в твоей душе! Будь ты великим воином или простым деревенским мальчишкой, если у тебя сильная и добрая душа, ты откроешь перед собой любые пути! Твоя воля подчиняется только тебе. Другие могут лишь попытаться подавить её, но окончательное решение всегда остаётся за тобой. Как бы трудно тебе ни было, помни это!» – зазвучало в голове у Флаури. Он вдруг вспомнил знакомый голос, такой грозный и в то же время родной и добрый... «

Флаури понял, что проснулся, но почему-то не мог открыть глаза. Никогда ещё он не чувствовал такой острой головной боли. Невозможно было даже пошевелиться – при малейшей попытке всем телом мгновенно овладевали ужасные судороги, подавляющие абсолютно все желания и мысли. Когда боль утихала, Тимбертон-младший мог сконцентрироваться и подчинить себе сознание.

«Что случилось? Где все? Опять этот сон!» – словно яркие вспышки, мысли сменяли друг друга, исполняя ослепительный танец у него в голове.

Юноша вновь попытался открыть глаза. Свет разорвал последние чары его сновидений. Но Флаури всё же никак не мог окончательно прийти в себя. До сих пор тело находилось во власти неизвестных ему сил, которые, как показалось, пытаются не дать пошевелиться. Кто-то очень не хочет, чтобы он освободился от опутавшей его зловещей магической сети.

Спустя несколько минут сын Варнора почувствовал, что уже может приподнять голову. В висках резануло. Он попытался подняться и сесть, как-то неловко подставляя непослушные руки, и был близок к цели...

– Как ты, Флаури? – показала в двери голова брата.

– Не видишь? Полон сил и энергии! – саркастически отозвался тот, всё ещё пытаясь усесться на кровати. – Что со мной произошло? Ничего не помню...

– Это я и хотел у тебя спросить! – с хрипотцой в голосе промолвил Джорджио.

Его лицо обрело какой-то нездоровый бледный оттенок, руки судорожно тормошили низ рубахи, сам он выглядел очень настораживающе. Таким Флаури не видел Джорджио никогда и поэтому сразу догадался, что дела идут плохо. В глазах брата читалось бесконечное переплетение эмоций и чувств: от невыносимого отчаяния и разрывающей душу скорби до жгучей ненависти и недвусмысленной злобы. Младший побоялся спросить его о произошедшем, видя, что владело сейчас Джорджио. Но тот, словно почувствовал зависший в воздухе вопрос. Опустившись на стул, он начал рассказывать леденящую душу историю:

– Когда Мадо произнёс приговор...

– Какой?! – взорвался Флаури, и ужасная боль острым клинком вонзилась ему в голову. Он скорчился и бессильно рухнул на кровать.

– Это не главное! Важнее другое... – Джорджио слегка растерялся, не зная, с чего начать, но затем глубоко вдохнул и продолжил: – Они признали отца виновным!

Флаури с размаху ударил кулаком в стену.

– Только это ещё полбеды! Когда Мадо произнёс последний приговор, зал вдруг наполнился невесть откуда взявшимся чёрным дымом. Я увидел, как ты скорчился в судорогах на полу, попытался тебе помочь, но ощутил такую дикую слабость, что даже руку не смог поднять. Вокруг задыхались люди, кричали и стонали женщины. Ничего не было видно, глаза слезились от едкого дыма... Потом как-то резко всё прекратилось: крики утихли, вернулось самообладание, а когда рассеялся дым, все снова заорали дикими воплями. За столом сидели Джолл и судьи с перерезанными шеями, у клетки лежали двое стражников, насквозь пронзённые своими же клинками, а в самой клетке... – вдруг замаялся Джорджио.

– Что в клетке? Что с папой? Ну, отвечай же! – тормошил брата Флаури.

– В клетке мы нашли мёртвого отца. Его убили стрелой. В сердце. Он всё также сидел на стуле и...

Тимбертон-младший вдруг понял, что не может сдержать слёз. Комок скорби и отчаяния подступил к горлу, и сын некогда великого кузнеца зарыдал.

«Папа! Как же так?..»

Джорджио присел на кровать и крепко обнял брата. Слова были бессильны.

– Кто их всех убил? – подавив внезапно нахлынувшие горькие чувства, плаксивым голосом просипел Флаури.

– Я не знаю, что случилось. Откуда взялся проклятый дым? Стражники у входа в здание сказали, что никто не входил и не выходил. А так, чтобы перебить в мгновение шестерых, а затем незаметно скрыться... Возможно ли такое? – задался вопросом Джорджио, заранее зная, что ответа на него не получит.

Флаури зажмурился, что было сил, пытаясь прогнать предательские слёзы.

– Да, всё очень странно. Ну, раз уж удалось убить Арбена и так лихо подставить папу, то чего тут думать?! Только не пойму, что ещё за дым? Магия какая-то!.. – рассуждал Флаури, а солёные капельки так и лились по лицу. – Как ты сказал? Стрелой в сердце? Но разве у кого-нибудь из присутствовавших были луки? Кто мог стрелять, если...

– Да никто толком ничего не знает! – резко перебил его Джорджио. – Все всполошились, поставили на уши Даллор-Кур. Мадо только два дня назад вернулся – отвозил убитых судей. Какой-то подозрительный, ни слова не вымолвил, заперся у себя в резиденции и не выпускает никого. Очень странно...

– Что значит два дня назад?.. – робко осведомился Флаури. – Я что, валялся всё это время?

– Четверо суток. И похороны проспал. И что только с тобой сделали? Ни с кем ничего подобного не произошло, кроме тебя!.. Ладно. Пойду, скорее сообщу матери, что ты в порядке, а то она надумала уже невесть чего.

Он вышел из комнаты, прикрыв за собой скрипучую дверь.

Как-то необычно спокойно казалось за окном. Разве что чем-то встревоженные коровы временами мычали во дворе. Всё в деревне словно затаилось. Веорна отдыхала, переживала случившуюся на днях трагедию.

Флаури, поднявшись, внезапно ощутил, как проклятая боль практически отступила. Осталось лишь неприятное давление в висках – всё лучше, чем бессильно валяться в кровати, чувствуя себя совершенно беспомощным. Что-то было в этой странной боли. Что-то нечеловеческое, неестественное, словно внедрённое извне. Такая адская ломка не могла взяться на пустом месте. Каким силам понадобилось навлечь проклятье, порчу, сглаз? Сын Варнора не понимал, как это назвать. Жуткая боль будто выполняла неведомую миссию, приказ неизвестного – остановить, парализовать, не дать противостоять.

«Хватит. Слишком много вопросов», – устало потёр ладонями лицо Флаури.

В желудке вдруг дико заурчало, и он, схватив лёгкую куртку, вынырнул в коридор. Почти четыре дня без еды и движения неумолимо сказывались на самочувствии, так что с лестницы пришлось спускаться, опираясь на перила. Ноги слегка подкашивались, но продолжали двигаться. Отёкшие мышцы постепенно начали восстанавливаться.

Спустившись в кухню, Флаури увидел завтракающего брата и мать, которая стряпала что-то у плиты. Заметив сына, Эмилия радостно бросилась его обнимать и целовать.

– Как ты себя чувствуешь?! – она принялась заботливо осматривать его с ног до головы в поисках травм, ушибов и ссадин.

Тот отмахнулся:

– Мам, всё в порядке! Нет... Ничего не сломано. Просто лёгкая слабость, – сказал он и плюхнулся на стул, словно старый дед.

Мать посмотрела на него красными заплаканными глазами, затем резко повернулась и суетливо загремела посудой.

– Дак, я тебе сейчас отварчику налью! Вот, держи! – Эмилия налила в кружку дымящийся горький напиток, пахнувший, правда, весьма приятно. Флаури не стал пререкаться и выпил всё до капли.

Раньше он недолюбливал домашние настои, отвары и другие лечебные напитки, которыми его поили, и часто незаметно выливал их в окно. Это продолжалось до тех пор, пока отец Варнор не заметил выплескиваемую со второго этажа в огород жидкость. В тот же вечер, после доброй взбучки, нашкодивший юнец уже буквально мечтал о пусть даже горьком и противном, но всё же исцеляющем напитке, успокаивающем любую боль. Теперь он понимал, что лучше выпить и поморщиться, но потом со спокойной душой и здоровым телом приниматься за работу, чем корчиться от страданий.

Юноша не решался что-либо ещё спрашивать по поводу произошедшего, да и Джорджио дал ему знак, поднеся указательный палец к губам. Видимо, за прошедшие дни мама выревела все слёзы, и не было смысла вновь напоминать ей о смерти отца.

Опустошая третью тарелку сладкой пшеничной каши, Флаури почувствовал приятную тяжесть в животе, которая предвещала как минимум ещё два часа безделья на кровати, поскольку двигаться с таким пузом он уже не мог. Крепко обняв и поблагодарив мать за вкусный завтрак, он, волоча ноги, всё же поплёлся не в свою комнату, а в конюшню. Там, наверное, совсем заскучал красавец Сириус.

Тимбертон отворил тяжёлые, слегка перекошенные деревянные ворота, и медленно вошёл в просторное, на десять лошадей, помещение конюшни, где в дальнем конце друг напротив друга в стойлах находились Сириус и Арнаур, на котором часто в Даллор-Кур отправлялся отец. Услышав приближение неизвестного, кони взволнованно заржали. Но как только Флаури оказался в поле их зрения, тут же успокоились. Юноша потрепал по загривку Арнаура, налил ему свежей воды и насыпал овса. Недовольный Сириус замотал головой.

– Сейчас-сейчас, дружок. Не беспокойся. Не забыл тебя. Как же можно забыть такого красавца?! – весело бормотал сын Варнора, загребая вилами сено.

Сириуса ему подарили на десятилетие. Отец возил Флаури в Даллор-Кур на представление заезжих музыкантов. Проходя возле большой торговой палатки, где продавались лошади, мальчик заметил одиноко стоящего жеребца. Тёмно-коричневая масть с белой гривой и хвостом, причудливые уши изогнуты внутрь – марвари был великолепен. Он лениво жевал заботливо положенную торговцем траву.

Флаури не принялся умолять отца купить его, не стал дрыгать ногами в истерике. Он был воспитан совершенно по-другому. Мальчик всего лишь посмотрел сначала в глаза отцу, потом в сторону коня, не говоря ни слова. Варнор, до этого ломавший голову, каким подарком осчастливить сына, долго думать не стал. Он лишь поторговался с минуту, и обратно мальчик возвращался уже верхом на собственном жеребце.

– *Но ухаживать за ним будешь сам!* – наказал сыну Варнор, и Флаури довольно закивал.

– Как ты тут, Сириус? – уныло спросил хозяин, расчёсывая густую гриву своего любимца. – Скучаешь? Это ещё что! Нам вот последнее время скучать совсем не приходилось...

Конь вдруг поднял чёрные глаза, исполненные искренней скорби и сочувствия, и ткнулся мордой ему в грудь.

«Ты всё понял! Мой красавец! Как же я тебя люблю!» – мысленно подивился Тимбертон, и по его лицу прокатилась крупная слеза не то радости, не то грусти.

Слишком много бед за эти дни случилось, столько беспричинного и странного. Но самое страшное – это... Флаури больно было вспоминать произошедшее, и он старался не показы-

вать, насколько подавлен. И всё же, как бы он ни пытался скрыть чувства, животное понимало его без слов.

Как замечательно, когда у тебя есть настоящий друг, рядом с которым не страшно, рядом с которым спокойно и легко, которому можно всё поведать и выплакать наболевшее. И никто не скажет, не упрекнет тебя в слабости, бесхарактерности и трусости.

Друг всё поймет, не отвернется от тебя в нужный момент, будет рядом в самую трудную минуту, подставит широкую спину и унесёт от всех бед и опасностей. Не было у Флаури, никогда не было настоящих друзей. Только Сириус ближе всех на свете.

Не один раз сын Варнора испытывал на себе отношение мнимых товарищей, но единственное знал наверняка – Сириус на такое не способен, ему чужды человеческие предательство, ненависть и корысть.

* * *

Ещё холодный, весенний дождь громко барабанил по деревянным крышам, превращаясь в потоки весело струящейся воды. Вот уже как неделю палящее солнце не сходило с небес, не скрывалось за грядой серых туч, что вдруг нагрянули с северо-востока, принося с собой прохладу и, что самое неприятное, грязевую жижу, которая немедленно расплзлась по всей деревне. Придётся снова надеть ненавистные сапоги из четырёхслойной бычьей кожи. А они так сильно натирают ноги.

Даже на свои с братом занятия Флаури приходилось их напяливать, а то можно было схлопотать от матери за пренебрежительное отношение к здоровью. А так бы он не прочь и босиком пробежаться по мокрой траве. Но сейчас совсем ещё не тепло – земля не успела как следует прогреться за эти жаркие апрельские деньки. Простудиться можно запросто, в два счёта, а потом выслушивать бесконечные монологи матери, лёжа в кровати с грелкой под ногами.

Вот извилистая грунтовая дорога, что ведёт на север. Вот знакомая, еле заметная тропинка в лесу. Вот бурный поток текущей с гор Сиенны, словно спешащей напоить весь мир журчащими целебными водами. И вот она – вершина невысокого холма.

Они стояли вдвоём, заворуженно глядя на сверкающие стрелы молний на северо-востоке. Где-то там, за Гарадскими горами, простирается безжизненная ледяная пустошь – прежнее обиталище кровожадных вьорнов. Флаури читал, что боги разгневались на них и наслали на земли проклятие, превратив жилище людей-ящеров в вечную зиму. Вьорны были изгнаны и ушли на запад, разоряя людские земли. Лишь спустя несколько столетий удалось одолеть их и прогнать в Срединные земли. Там существа осели в болотах близ моря Рун, лишь изредка нападая на пограничные рубежи в поисках людской плоти. А Гарад по-прежнему ежегодно содрогается извержениями Чудесного Вулкана, даря миру столь ценную крианитовую руду. Но добыть её уже никому не под силу. Выжить в условиях гарадской зимы стало невозможно. А ведь остались ещё на вооружении Алакорна крианитовые клинки, что не знали в своей жизни повторной заточки. Их выплавляли во времена вторжения вьорнов в земли нынешнего Къёрденфелла. Тогда все побрякушки, инструменты и прочие предметы хозяйства, сделанные из крианита, пошли на изготовление клинков и брони, поскольку в битве с вьорнами железное оружие оказалось почти бесполезным. Преданий о причинах божественной кары, что настигла вьорнов, ни в сельских, ни в городских библиотеках не нашлось.

Утреннее небо заволокли мрачные низкие тучи, изливая на землю струи живительной влаги. Казалось, будто чернота сгущается не благодаря грозным небесным исполинам, а чему-то иному – неестественному, враждебному, что постепенно надвигается на мирный и спокойный Эруад.

– Что скажешь, Флаури? – опускаясь на мокрую землю, тихо проговорил Джорджио.

Тот присел вслед за братом.

– Всё очень странно... – пожал плечами, озадаченно ответил он, но потом бодрее добавил: – Не знаю, кто за этим стоит, но так просто я убийство отца не оставлю!

– Неужто ты хочешь гоняться неизвестно за кем неизвестно где? Знать бы, с чего начать... – бросил Джорджио.

– Как, с чего? Веди меня на могилу отца!

* * *

– Поговорим с Мадо! – вернувшись с деревенского кладбища на холм, выпалил Флаури. – Надо выпотрошить из него всё, что он знает! Он наверняка был у наместника и что-то может сказать! – младший брат снял капюшон дождевой накидки, распустил хвост и растрепал волосы, что стали похожи на чёрную гриву, а затем вновь накинул капюшон.

– Я же говорю, он никого не пускает, – сказал Джорджио так, словно Мадо сокрыт за семью дверями и десятью печатями.

– Это дело касается напрямую и меня, и тебя! – сердито возразил Флаури, и брат кивком показал, что понимает это. – С Мадо мы поговорим, чего бы мне это ни стоило!

Каким бы странным ни казалось произошедшее, оно принесло великие беды и не предвещало ничего хорошего. Флаури счёл своим долгом найти и предать суду... нет, не суду – смерти! Предать смерти тех, кто совершил столь тяжкое преступление. Видел он уже однажды тот самый Справедливый Суд, что «карает провинившихся и милует невиновных». Теперь он понял, что правосудие вершить нужно лишь собственными силами. Но что мог сделать он – совсем юный, горячий и неопытный деревенский мальчишка, решивший, что способен восстановить справедливость в мире. Он не был одним из тех великих воинов, что когда-то спасали мир от зловещих демонических порождений Глубин Сущего, от полчищ отвратительных гоблинов и троллей, гонимых с подземных миров неведомой до сих пор силой. О нём никто не слагал легенд и, скорее всего, не сложит никогда. Да и не нужно ему это.

Перестали шелестеть в траве и листьях деревьев крупные капли льющегося вот уже второй час промозглого дождя. С земли поднялся приятный, исполненный весенними ароматами, запах, но серые громады туч не желали уходить к горизонту. Солнечные лучи не могли пробиться сквозь их неприступный массив, и вокруг сгустился молчаливый мрак. Откинув назад капюшоны дождевых накидок, братья неспешно поднялись и, оглядев напоследок взглядом окружающие их земли, двинулись вниз по склону.

– К Мадо? – переступая с камня на камень, спросил Джорджио.

Флаури лишь кивнул.

Они быстрым шагом подошли к зданию старосты Веорны и одновременно постучали в деревянную дверь. Через минуту послышался шорох плетущихся ног и чьё-то неразборчивое ворчание. Открылась небольшая прорезь в двери, и оттуда показалась пара заспанных и отнюдь не добрых глаз.

Голос по ту сторону захрипел:

– Кто такие? Ни черта не вижу! – последние слова были произнесены еле слышно, моргающие глаза исчезли из прорези. Видимо, смотрящий пытался протереть их, но тщетно – снаружи стоял непроглядный полумрак.

– Гарот! Открывай! Это Флаури и Джорджио! Нам нужно поговорить с Мадо! – выкрикнул старший из братьев.

– Что вы от него хотите? Он сейчас не в настроении с кем-либо разговаривать, просил не беспокоить! – гаркающе отозвался Гарот.

– Мы не будем его беспокоить, а просто поговорим, – буркнул Флаури.

– Я уже сказал! Нельзя! – гнул своё собеседник.

– Ты не говорил «нельзя»! – выразительно сказал Джорджио.

За дверью воцарилось молчание, словно Гарот вспоминал произнесённые им слова.

– Просто открой дверь, Гарот!

– Уйдите, негодники! – никак не хотел поддаваться слуга.

Джорджио внезапно весь побагровел.

«Что-то не так с этим старикашкой!» – мелькнула мысль.

– Эта дверь крепко держится на своих петлях, Гарот? Выдержит двух лошадей? – нашёлся вдруг Флаури.

Дверь хоть и казалась достаточно массивной, но запиралась на две жалкие задвижки, которые не выдержали бы даже добротного рывка, что уж там лошади. Флаури и Джорджио прекрасно понимали, что за это их могут запереть на несколько суток за решеткой, для начала заставив приколачивать эти хлипкие замочки. Но иначе старика Гарота, похоже, было не уговорить. Он знал, что от этих двоих можно ожидать чего угодно – вспомнить только беззубого Грена!

– Отступитесь, разбойники! Безобразие! – защёлкали замки, дверь со скрипом отворилась, и на пороге показалась всклокоченная физиономия старого слуги.

Он работал здесь уже лет тридцать. Начал ещё при Ленноре – заядлом охотнике, что был загрызен волками; повидал на своём веку и работу Джолла, так рано ушедшего к Вратам Очищения держать ответ перед Великим Фар-Фалиеном. И не видать ему, похоже, спокойной жизни на старости лет.

Вид Гарота не внушал братьям оптимизма: растрёпанные седые волосы ниспадали на узкие костистые плечи, недовольное лицо с поседевшей щетиной выражало явное желание выпороть обоих как следует, да положение не позволяло. Мятая белая сорочка, наскоро надетые кожаные портки и отсутствие обуви – Гарота застали ещё во сне. Он лишь отчаянно покачал головой, когда Флаури и Джорджио, хитро улыбаясь, прошмыгнули мимо него и последовали к кабинету старосты. Старый слуга не успел даже ничего возразить. А ведь в его обязанности входило проводить пришедших и доложить об их появлении. Лишь отчаянно махнув рукой, он зашаркал ногами в сторону своей комнаты.

Мадо, сумрачно уставившись невидящим взглядом в стену, сидел в кресле старосты и даже не шелохнулся, когда распахнутая дверь с грохотом отскочила от стены и захлопнулась за буквально влетевшими в кабинет братьями. Он что-то всё время беспорядочно бормотал, не отрывая глаз от невидимой точки. Взгляд его был совершенно пустым и безжизненным. Таким может обладать, например, дух или демон из потустороннего мира, но не живой человек.

«Может, он двинулся умом?» – невольно подумал Флаури, подходя ближе к столу.

В полумраке комнаты, освещаемой лишь дневным светом, пробивавшимся сквозь единственное мутное окно, было отчетливо видно, что Мадо чем-то напуган, скован незримыми цепями, не позволяющими ему того, что он всячески пытался сделать. Тонкие побелевшие губы беспрестанно шевелились, произнося странные и непонятные звуки.

– Мадо, что с тобой? – затормошил его Джорджио. Никакой реакции не последовало. Старший брат скорчил недовольную гримасу. – Мадо! – он провёл ладонью перед его глазами, пощёлкал пальцами, но всё тщетно.

В следующий миг рука Джорджио описала широкую дугу, и его кулак с размаху опустился на стол прямо перед Мадо. Находящиеся на столе чашки, ложки, чернильницы и другая мелочька со звоном подскочили. Мадо встрепенулся, словно его вывели из гипноза, и стал бешено озираться по сторонам.

Увидев двух братьев, он протёр покрасневшие глаза и негромко произнёс:

– Что вам угодно, друзья мои? – он говорил так, будто не было сейчас минутного оцепенения. А может, и не минутного... Кто знает, сколько он просидел так в безмолвном раздумье.

– Что с тобой только что было? – заговорил Флаури.

– А что со мной было? Я просто думал, – то ли действительно ничего не помнит, то ли тщательно пытается что-то скрыть.

Тимбертон-младший решительно заявил:

– Как поездка в Даллор-Кур? Что ты там узнал?

– Поездка? Какая поезд... – потупился Мадо, увидев, как недоверчиво смотрят на него братья. – Понимаете, – глухо вымолвил он, – я не могу ни слова сказать о случившемся.

Флаури резко оборвал его:

– Может, тебе помочь? – угрожающе спросил он.

– Нет-нет! Я бы с радостью вам всё рассказал, но я не могу ничего с собой сделать. Как только начинаю об этом думать, у меня тут же пропадает дар речи! Язык немеет! Я не могу говорить, понимаете?! Не могу написать – пальцы отказываются повиноваться, – почти простонал Мадо.

– Что-то не совсем понимаю! – скрестил на груди руки Флаури.

– Я лишь могу сказать, как выехал из Веорны и... Всё. Больше ничего! – с отчаянием произнёс новый староста деревни.

– Да, запахло либо идиотизмом, либо колдовством. Без того или другого здесь явно не обошлось, – надменно подбоченившись, вымолвил Флаури.

– Думаю, второй вариант, – говоря куда-то в стол, положил голову на ладони Мадо.

– Чувствую, от него мы ничего не добьёмся. Ответы надо искать в Даллор-Куре, – подытожил Джорджио, и младший брат уныло согласился.

– Только будьте осторожнее, – произнёс на прощание староста. – Мне кажется, недобрые вещи творятся вокруг!

Братья покинули дом, таивший в себе великую тайну. Ниточка тянулась в Даллор-Кур, к наместнику Дорвену.

«Надеюсь, он не будет молчать!» – задумчиво кусал губу Флаури.

Добраться до Второй столицы Алакерна не составляло особого труда. Грунтовая дорога, часто извиваясь между холмами и лесом, как огромная песчаная змея, никуда не расходилась, провожая путников прямо до городских ворот. Весь путь занимал не более двух часов, если добираться вместе с торговцами на их телегах. На лошадях же можно успеть и за час.

Отправиться решено было утром следующего дня, поскольку Джорджио должен явиться на учёбу в академию. Никто не знал, каким будет их визит к наместнику, допустят ли их перед его ясные очи. Простые граждане не могли даже с большим трудом пробиться на разговор с правителем. Надежда существовала, и отступать в таком случае братья не умели.

Флаури сложил в потёртый дорожный мешок немного припасов: ароматных лепёшек, пару небольших кусочков копчёного говяжьего мяса и фляжку воды. Не на неделю ехать, но провизия лишней не бывает. Как следовало из записей отца: «отправился на охоту, и вот уже пятые сутки брожу по бескрайнему лесу. Запасов, что взял на два дня, только-только хватило. Хорошо хоть вообще что-то положил тогда в мешок, иначе давно мой труп глодали бы падальщики! Если в ближайшее время не отыщу воду, быть беде! Станный какой-то лес. Ни птиц, ни зверей. Даже ручья захудалого нет. Как знал, что охота не выдаться», – провизия никогда не бывает лишней.

Сын Варнора надел тунику, прицепил к широкому поясному ремню выкованный давным-давно отцом длинный боевой клинок. Не издававшее сражений лезвие мягко отливало на свету радужными отблесками. Добротно сработанная рукоять была надёжно обмотана крепким кожаным ремнём. Флаури гордо, словно у него сейчас в ножнах висел меч самого Фар-Фалиена, направился к конюшне, где его уже ждал Джорджио, выводя коней из стойла.

– Ты чего это, – раскрыл рот Джорджио, – на войну собрался?

– Последние дни моей жизни показывают, что с оружием будет намного безопаснее, – буркнул тот.

Брат лишь пожал плечами.

Флаури вскочил на Сириуса и оглядел окружавшую его местность, будто запоминая каждую деталь, каждый дом и улочку, каждую животину, что лениво мотала головой в загонах.

Он вдруг увидел себя лет в восемь, жизнерадостного, неутомимого мальчишку, который без устали прыгал и носился целый день по двору. Вот и мама, развешивающая чистое постиранное бельё на верёвки, а вот приветливо размахивающий руками, вернувшийся из Даллор-Кура отец...

Отец...

Флаури почувствовал вдруг несильный толчок в плечо:

– Уснул, что ли? – удивлённо смотрел на него Джорджио.

Брат только отмахнулся, опустил взгляд на серебряную монету, что достал из кармана, и вновь поднял голову, пытаясь разглядеть картины прошлого, но всё исчезло. Он сунул серебряник обратно и повернулся к спутнику. Тот недоумённо смотрел на него.

– Вперёд! – воскликнул младший брат, и они оба пришпорили коней.

Пасмурное промозглое утро не предвещало улучшения погоды в течение дня. Всюду небо заволокли тяжёлые грозовые тучи, казалось, не собиравшиеся убираться с небосвода.

Где-то на юго-востоке грянул могучими раскатами весенний гром, стремительно догоняя путников. Они ехали не спеша, строго на закат, укутавшись в тёплые шерстяные накидки. Через милю от деревни грозовой фронт, коснувшись своим прохладным крылом, заставил их подогнать коней. Противный моросящий дождь как-то внезапно превратился в крупный ливень, заставший всё вокруг белёсой водяной стеной.

Моментально захлюпала тёмно-коричневая жижa под копытами лошадей. Едва различимая дорога сворачивала вправо, огибая невысокий холм.

Ветер, дувший братьям в лицо, донёс до них еле слышное конское ржание. Флаури сначала решил, что ему показалось – шум дождя и стук копыт не давали толком сосредоточиться. Но чем ближе они подъезжали к раскинувшемуся за холмом лесу, тем отчётливее слышались доносившиеся оттуда звуки.

Братья натянули поводья.

– Ты тоже слышал? – невозмутимо произнёс Джорджио, глядя вглубь леса.

Кони настороженно заплесали.

– Может, торговцы... – осёкся вдруг Флаури, – а где тогда телеги?

– Чего гадать. Пойдём, поглядим! – прыгивая с Арнаура, сурово бросил брат.

– Ну... пошли, – с сомнением в голосе согласился Флаури.

Лес казался каким-то встревоженным. Чувствовалось даже, словно он пытается предупредить их: «Осторожно, друзья! Здесь очень опасно!»

Оба спешили и, привязав коней, исчезли между деревьев. Капли дождя шелестели в кронах, словно пытаясь сыграть незатейливую монотонную мелодию. Где-то правее фыркнул конь, и двое, медленно переступая, направились сквозь густые заросли. Между огромных многолетних дубов, стоявших горделиво и непреклонно, будто бы собравшись здесь на особый совет, показалась лошадиная морда, испуганно глядевшая на подкрадывающихся людей. Красивая золотистая масть с пышной белоснежной гривой и не менее прекрасным хвостом, резное седло с позолоченными пряжками на широких чёрных ремнях – порода королевской знати, сомнений не было.

Конь нервничал, судорожно переступая с ноги на ногу. Чем ближе подходили братья, тем сильнее он беспокоился. Животное время от времени решалось ринуться прочь, но что-то его в последний момент останавливало. Конь не был привязан, однако дёргался изо всех сил, пытаясь вырваться из каких-то других незримых оков.

Всё же инстинкт самосохранения сыграл главенствующую роль в поединке чувств и эмоций. Завидев приблизившихся почти вплотную братьев, конь вскочил на задние ноги, пронзительно заржал и бросился дальше, вглубь леса.

Подойдя к тому месту, где только что в страхе трепетал хафлингер, братья не заметили ничего странного. Правда, тщательно приглядевшись, Тимбертон-младший вдруг увидел среди

трухлявых позеленевших мхом пней и поломанных кустов кожаный сапог. Рядом – ещё один... Да вон и...

– О боги! Это же человек! – взорвался Флаури, отскочив в сторону.

Они раскидали нарочно наваленные ветки, и перед их глазами предстало ужасное зрелище. Уже окоченевшее мёртвое тело было буквально рассечено надвое от плеча до пояса. А лицо несчастного...

– О Великий Фар-Фалиен! Что с ним сделали? Где его лицо? – Приступ тошноты вдруг одолел Флаури, и он, закрыв ладонью рот, отшагнул в сторону. Но внезапно накатившийся комок всё же отступил.

Какой-то изверг беспощадно изуродовал человека. Лицо было просто-напросто сорвано с его головы вместе с волосами. Выпученные глаза выражали такую адскую боль, что кровь стыла в жилах.

Он явно был ограблен: на нём осталась только лёгкая белая рубаха, хотя кровь пропитала её почти всю, да портки. В такой одежде сейчас и бродяги не ходят.

Но вот, что странно. Сапоги, вполне приличные, кажется, работы мастеров Эйрдалла, с явно выраженным заострённым и загнутым вверх металлическим носком, остались на нём. Такие могли быть сделаны и на далёком юго-востоке кочевниками, но качество уж совсем поражало – аккуратный ровный шов, добротной выделанная бычья кожа, твёрдая обтекаемая подошва без зазубрин и необтёсанных углов, которые допускали непрофессиональные западные сапожники. Ни один уважающий себя мастер допустить халтуры не мог, с ним просто не стали бы дальше иметь дела. Подобные сапоги продавались практически везде, и в Алакорн их тоже привозили.

Что же было надето на убитом, если оставлена отнюдь не дешёвая обувь? Да и кто он вообще такой? Не торговец, определённо. Ни одного признака, указывающего на принадлежность человека к какому-либо роду, гильдии или государству...

– Похоже, здесь случилось самое страшное! – задумчиво закусил губу Джорджио, и, прочитав в глазах брата немой вопрос, продолжил: – Если убитый не из простого люда, то в Даллор-Куре начнётся большая суматоха. Преступления против власти признаны самыми тяжкими, и наказание за их совершение – мучительная смерть. И я бы не позавидовал тому, кого обвинят в содеянном.

Флаури и Джорджио поспешили поскорее убраться с места убийства, дабы кто-нибудь не заметил их рядом с трупом. Доказывай потом, что проезжал мимо и ни в чём не виноват. Люди здесь впечатлительные да недоверчивые. Скрутят и сдадут патрулю близ Даллор-Кура. Но сообщить о находке братья всё же сочли необходимым.

Они осторожно вышли из леса, предварительно оглядев окрестности в поисках нежелательных свидетелей. К счастью, вокруг оказалось пусто. Отвязав коней, братья задумчиво переглянулись. Джорджио насыпал возле края дороги небольшую кучку ломаных веток, чтобы легче было заметить место трагедии. После они вскочили в сёдла и галопом понеслись дальше.

Тем временем потоки воды, изливаемые небесами, поутихли, превратившись в обыкновенный монотонный дождь, который, ясное дело, прекратится очень скоро. По весне такие дожди на севере королевства – не редкость, и могли продолжаться неделю-две, затапливая поля и размывая дороги. Впереди пора, когда торговцы станут опаздывать на рынок Даллор-Кура и возвращаться домой за полночь, застревая в глиняной жиже.

Острые шпили серых сторожевых башен медленно поднимались из-за зеленеющих холмов, словно вырастая на глазах из-под земли. Это означало, что ехать до города оставалось ещё минут двадцать пять-тридцать. Дорога круто уходила вверх, заставляя коней перейти на рысь. Обычно в этом месте торговые обозы тянулись лениво, ещё больше скрипя колёсами под тяжестью наваленных грузов, а торговцы то и дело вытягивали шеи, следя за тем, не упало ли что-нибудь с их телеги.

Флаури, очутившись на вершине, легонько натянул поводья. Давненько он не ездил этой дорогой. Обводя взглядом раскинувшуюся перед ним картину, он внутренне восхищался невообразимыми красотами здешних мест. Даже густая пелена дождя не могла затмить блещущие жизнью равнины.

Сам Даллор-Кур находился под защитой горных цепей, окружавших город с севера и запада. Словно накрытый каменным капюшоном, он существовал беззаботно, жизнь в нём текла спокойно и размеренно. Ограждённый белыми стенами и ошестинившийся множеством смотровых и замковых башен как огромный еж, Даллор-Кур являлся неприступной крепостью для завоевателей, поэтому за своё полувековое существование не знал горечи разрушений и грабежей. Через горы пробраться к нему вряд ли сумел бы даже самый ловкий эльф. В южных лесах повсюду расставлены тайные сторожевые посты, по тракту до развилки на Эйрдалл и Къёрденфелл непрерывно ездили патрули, так что кочевые племена, широко заселившие земли на востоке, недолго пытались пробиться через пограничье Алакорна.

– В другой раз будешь любоваться! – оторвал от размышлений брата Джорджио.

Он кивнул в сторону Второй столицы, поторапливая Флаури, и тот прищипорил Сириуса.

Вблизи города они наткнулись на выезжающий в караул патруль. Сообщив о месте преступления, братья надеялись продолжить путь, но старший патруля потребовал удостовериться в личности докладчика. Изучив пропуск Джорджио, выданный ему в академии, патрульный записал что-то себе в небольшую книжку в тёмно-коричневой кожаной обложке. Предупредив о возможном вызове к капитану стражи Даллор-Кура в ближайшее время, он отпустил ребят.

На посту у сторожевых башен их задержали ненадолго. Джорджио вновь предъявил пропуск, и стражник, сонный и недовольный тем, что приходится так рано вылезать из своей будки, да ещё и в дождь, молча махнул рукой, разрешая путникам проехать.

– Не успел ещё глаза продрать, что ли? – возмущённо заявил Джорджио, когда они отъехали от поста. – Обычно без пропуска пускают, а тут... Забыл, что ли, моё лицо?

– Посмотрите, какая важная персона! Тебя, может, и наместник без разговоров вином потчует? – улыбнувшись, ткнул брата кулаком в бок Флаури.

– Когда ты в последний раз здесь был-то? Тебя же никто не знает! Ехал бы один! Только пришлось бы тебе с полчаса объяснять этому стражнику, что ты не варган какой-нибудь!

– Я что, похож на варгана?! – возмутился Флаури, не восприняв шутку.

– Ты – нет, но...

– Тогда в чем проблема? – прервал младший брат и хотел что-то ещё сказать, но увидел, как на следующем посту – перед самыми городскими воротами – зашевелились стражники. На этот раз останавливать их не стали. Здесь Тимбертона старшего узнали. Солдат еле заметно кивнул. Джорджио ответил тем же.

– Варгана вот поймал, везу к наместнику! – деловито вскинув подбородок, резко выпалил он.

– Похож, похож... – подыграл ему стражник, и весь пост разразился громким смехом.

– Ты, конечно, не похож, – продолжил разговор Джорджио и заулыбался: – Но так считаю только я.

Флаури саркастично скорчил гримасу радости, показывая таким образом, что благодарен за столь «добродушное» отношение.

Копыта застучали по подъёмному деревянному мосту, который был опущен в ожидании торгового каравана. Его огромные цепи тянулись высоко к вершине крепостной стены, где находились механизмы управления. Ворота венчала геральдическая эмблема королевства – уже знакомый золотой дракон на чёрном щите, раскинувший величественные крылья, словно лучи солнца над землями королевства. На сторожевых башнях неподвижно, словно статуи, стояли стражники.

Серая громада арки городских ворот проплыла над головой. Братья проехали небольшой коридор и очутились во внешнем кольце города – самом обширном районе, где проживали все простые подданные, располагались таверны, рынок и различные мелкие мастерские. Всё здесь жило простой, незамысловатой, но, в то же время, интересной жизнью. Дорога, вымощенная тем же белым камнем, видимо, была центральной. От неё лишь расходились в разные стороны неширокие песчаные тропинки, ведущие в переулки между домами.

Братья направили коней по главной улице к внутреннему кольцу. На первый взгляд здесь оказалось довольно трудно проехать. Разодетый в цветные кафтаны и платья народ вываливал из домов с корзинами, полными разнообразной выпечки, постиранного белья и специй, с телегами, набитыми тюками и мешками; кто-то вёл с собой скотину, кто-то спешил уладить повседневные дела. Казалось, вот-вот, и сейчас все разом столкнутся – такой нескончаемый и насыщенный поток людей и животных заполнял городские улицы. Но, к удивлению Флаури, никто даже и локтем никого не задел. Будто бы здесь каждый имел свою собственную дорогу, что шла в обход остальных.

Весьма невысокие, хоть и двухэтажные, каменные домики стояли, плотно прижавшись друг к другу, словно чёткий строй королевского полка. И лишь когда дорога уходила вверх, они образовывали подобие огромной лестницы, ведущей, казалось, в небеса. Справа от дороги за домами высилась стена внутреннего административного кольца, где располагались и замок наместника, и академия, и королевские мастерские, а также дома наиболее известных и занимающих высокие должности на службе господ.

У Флаури глаза слепило от сверкающей белизны города и пестроты красок в людских одеяниях. Да, здесь одевались довольно прилично даже не богатые слои населения, поскольку работали все, кто имел руки и ноги. Шелка, бархат и меха были, конечно, уделом высших сословий, но даже простой лесоруб мог себе позволить обзавестись праздничным костюмом, отличавшимся качественным шитьём.

Помимо мастерских, люди работали во фруктовых садах, в полях, занимались промыслом; не обделённые силой и здоровьем трудились в каменоломнях и шахтах, где человеческий труд ценился очень высоко, и также высоко оплачивался. Даллор-Кур славился мехами и кожами на весь Алакорн. Ближайшие леса буквально трещали от наводнявшей их пушнины. И те, кто достойно обучился охотничьему мастерству, уже давно обустроились во внутреннем кольце города, обвешав стены своих домов причудливыми трофеями.

Город не замолкал ни на секунду. Людские голоса и крики, детский смех, конское ржание и стук копыт, лязганье металла, удары кузнечного молота и жар мехов. А запахи! Даже из проулка, ведущего к городскому рынку, доносилась невероятная смесь пряностей, выпечки и жареного мяса. В желудке предательски заурчало.

– Почти пришли, – сказал Джорджио, отвлекая брата от восхищения городскими изысками. Невдалеке показались чёрные железные ворота внутреннего квартала.

– Времени у меня почти нет, так что к наместнику пойдёшь сам. Расскажешь всё, как есть, и попытайся выяснить, что же случилось с Мадо, – доставая пропуск в академию, произнёс Джорджио. – Потом мигом домой!

– Предъявите ваши бумаги! – чётко заговорил вытянутый, как струна, стражник.

Флаури протянул свёрток. Во внутреннее кольцо пускали только по документам, отмечая каждого прибывшего в книгу учёта. Джорджио, как курсант академии, проезжал по пропуску, а его брат мог попасть туда только по бумаге, удостоверяющей его рождение.

Записав путников, стражник сделал шаг в сторону, позволяя им проехать.

Внутренний квартал города отличался как своим архитектурным содержанием, так и статусом людей. Богатые кафтаны, украшенные причудливым шитьём и шелками, говорили о знатном происхождении гражданина; блестящие серебром кирасы, высокие геральдические щиты и синие плащи с золочёными фибулами на груди свидетельствовали о принадлежно-

сти воина к королевскому полку; а уже знакомые братьям чёрные одеяния всё с тем же драконом на груди и плаще позволяли отличить в толпе человека, имевшего здесь власть. Они занимались самыми различными делами: от торгового и дипломатического представительства до выполнения судебных полномочий. Таких было всего десять. Их называли Королевскими Мастерами, и назначались они лишь по указу самого короля Фаррогота.

Миновав ворота, братья очутились на центральной площади Даллор-Кура, по центру которой, раскинув исполинские крылья, строго встречал их каменный дракон. Его глаза внимательно вглядывались в каждого, кто проходил мимо, безмолвно предупреждая о том, что их обладатель пристально следит как за поступками, так и за мыслями.

– Всегда хотел спросить, – начал Флаури, проезжая мимо каменного гиганта, – остались ли ещё в Эруаде вьорны?

– Чего? – буркнул Джорджио, отвлечённый от размышлений.

– Ну, по легенде...

– Нашёл, о чём думать! Ну, спрячутся где-то в Срединных землях! – фыркнул Джорджио.

– Интересно, просто...

– Мне нет до этого дела! Ты не о том думаешь! Вспомни, зачем мы приехали! – дерзко ответил Джорджио.

Флаури от досады сжал кулаки.

– Я помню! Только не мы, а я! Ты сейчас пойдёшь палкой махать, а я – к наместнику...

– И не палкой, а...

– Всё равно, – махнул рукой Флаури, не сводя глаз с дракона.

– Ладно-ладно. Успокойся. Не одному тебе сейчас тяжело, – с горечью отозвался Джорджио.

Слева тянулись многочисленные мастерские, где ковались королевские мечи и доспехи, шились дорогие и яркие одежды, выделывались кожи и пеклись хлеба. Справа раскинулись крытые королевские сады, пестрящие разнообразием плодов, да источавшие такие великолепные запахи, что хотелось просто пробраться внутрь, нырнуть в заросли и остаться там навсегда. Даже в условиях суровой северной зимы люди умудрялись растить там причудливые фрукты, держа в секрете технологию производства.

Джорджио и Флаури двинулись вдоль городской красоты к академии, что находилась прямо возле замка наместника. Хоть по размерам она практически не уступала главному строению города, но по статусу, несомненно, была ниже. Огромное здание с четырьмя конусообразными башнями по углам и двумя большими в центре, увенчанными крышами с множеством маленьких шпилей, с высоченными колоннами у входа, источало ауру могущества и непобедимости, заставляющую каждого трепетать в изумлении. Наверное, только сам замок короля в Хлаубене выглядит более величественным.

– Как только всё узнаешь, возвращайся домой! – напомнил Джорджио, выразительно помахивая указательным пальцем.

– Ладно-ладно, заботливый братец. Можешь быть за меня спокоен, – улыбнувшись, заверил его Флаури.

– Знаю я! Как только один остаёшься, к тебе сразу же липнут всяческие неприятности, какие только могут существовать в нашем мире, – покачал головой Джорджио.

– Да тут делов-то! Зайти, спросить и уйти. Не так уж и сложно! – хлопнул по плечу брата Тимбертон-младший, и тот, недоверчиво покосившись, скрылся в потоке прибывающих в академию рекрутов.

Стражник у ворот замка, по знаку на серебристой кирасе – часовой караула, попросил предъявить документы и назвать цель визита.

– Мне необходимо поговорить со Вторым наместником короля Фаррогота Дорвеном. Есть очень важное дело! – выпалил Флаури.

– Вынужден тебя огорчить, – с наигранной вежливостью произнёс тот, – но наместника Дорвена сейчас в замке нет.

– А где же он? – Флаури разговаривал так, будто перед ним стоит его брат, а не представитель королевской армии.

– Около часа назад выехал из города с отрядом, – не меняя спокойного тона разговора, ответил стражник.

– А могу я поговорить с кем-нибудь из его приближённых? С кем-то, кто знаком с делом Варнора из Веорны.

– Сейчас не могу тебя никому представить. А с этим случаем даже я знаком, более или менее. А кто ты есть-то? – часовой, видимо, заинтересовался незнакомцем.

– Я – сын Варнора, – вдруг опустил глаза Флаури, но тут же выпалил: – А вы не знаете, о чём разговаривали наместник и наш деревенский староста Мадо?

– Покажи-ка документы, малыш, – недоверчиво бросил стражник.

Сын Варнора снова достал бумагу с королевской печатью и протянул часовому. Тот, внимательно изучив её, сунул обратно.

– Да ни о чём! Тот и слова вымолвить не смог, бубнил что-то всё время. Его спрашивали, где тела наших Мастеров, а он только руками размахивал. Ничего непонятно было, – поморщился часовой.

– Что значит «где тела»? – такого поворота событий Флаури не ожидал. У него даже волосы дыбом встали от услышанного.

– Ну как, что значит? То и значит. Пропали тела наших представителей, которые ездили к вам на суд! Мадо должен был их привезти, но приехал с пустой телегой. Объяснить, как я уже сказал, ничего не мог. Только потом наши патрули доложили, что видели двух человек в чёрных одеждах с королевской геральдикой на спине, что втихую пробирались краем леса на лошадях на юго-запад. Вот и собрал тут же наместник отряд и выступил вслед за ними.

– Вы хотите сказать, что мёртвые встали с телег, взяли откуда-то лошадей и направились, как ни в чем не бывало, на юг? А потом приезжает Мадо и слова вымолвить не может? Мы тоже не смогли из него ничего вытянуть. Не находите это чересчур странным? – вскинулся Флаури.

Но стражник тут же поставил его на место:

– Слушай, юнец, – сдвинув брови, пробасил он, – не тебе соваться в дела, которыми занимаются приближённые короля! Я вообще не должен с тобой тут болтать! Главный советник наместника Дорвена сейчас в замке, но я не пушу тебя к нему. Сиди лучше дома, у себя в деревне... В огороде ковырайся, свиней корми. А сюда не лезь! Если у тебя всё, не задерживай меня больше.

– Убили моего отца! – несмотря на рассердившегося стражника, продолжал Флаури. – И это как раз моё дело...

– Тогда все свои вопросы задавай наместнику Дорвену, если тебя кто-нибудь к нему пустит! Или если найдёшь его по пути на юг. А я на службе, и в мои обязанности не входит болтать с кем попало и о чём попало. Ну, если ты хочешь дожидаться приёма у Дорвена в тюремной камере, то можешь продолжать. Хотя я сомневаюсь в том, что он примет тебя в твоих «роскошных палатах», – ехидно улыбнулся солдат, но потом взял нарушителя спокойствия за плечо и слегка толкнул в сторону ворот внутреннего кольца.

Флаури не хотелось уходить. Он вдруг понял, что ему нужно бежать прочь из города, наполненного бессовестным равнодушием и бесчестьем живущих в нём созданий. Разве это тот, кто в силу божественного назначения исполняет волю Великого Фар-Фалиена: совестью и честью защищать королевство и населяющих его жителей от безудержного зла, оказывать помощь каждому, кто в ней нуждается, независимо от того, король ты или наместник, офицер или простой часовой?

«Безразличие служителей бога, покровительствующего над ними, породит безразличие к богу», – так вроде было записано в Священном Послании шести богов.

Но что эти легенды сейчас? Сказки, не более. Туман, растворившийся в потоке времени. Развеянный ветром прах. Кажется, никому теперь нет дела не то что до легенд, но и до живых людей, простых подданных Алакорна, которые не знают иных защитников.

«Что же теперь делать? Ждать наместника в городе? Неизвестно, когда он вернётся. Ехать домой? Тогда в чём смысл сегодняшней поездки? Попробовать настигнуть отряд Дорвена? Опять же неизвестно, далеко ли он уехал, и не свернул ли куда», – кувыркались в голове Тимбертона разные мысли.

Он взял Сириуса за поводья и безнадёжно поплёлся через центральную площадь к выходу. Каменный дракон проводил его тем же строгим взглядом. Сын Варнора шёл по белой мощёной улице, отчаянно опустив голову и шаркая ногами.

Стражник у ворот сделал отметку об убытии и уныло вернулся в свою будку. Исчезли запахи... Растворились звуки...

Конь ткнулся мордой Флаури в ухо, и тот, улыбнувшись, потрепал его по загривку. Он метался в сомнениях. Обычно сердце, если ум вдруг оказывался неспособным направлять дальнейшие действия, показывало дорогу во тьме неизвестности. Но сейчас его насторожило абсолютное безразличие его внутреннего голоса.

Выйдя из главных ворот, юноша остановил коня и взглянул на скрывающуюся за холмами дорогу в Веорну. Он еле заметно покачал головой и направил Сириуса домой.

Дувший всё это время на северо-восток ветер, постепенно меняя направление, как бы огибая Флаури, засвистел ему в лицо, да так сильно, что тот невольно зажмурился. Но через пару мгновений странный ветер резко вернулся в свое прежнее направление, растрепав волосы у Тимбертона на затылке.

Что-то вдруг переменялось у него в душе. Он словно поверил неведомому знаку, данному ему свыше, и рванул поводья на себя. Сириус с ржанием вскочил на задние ноги. Развернув коня, наездник ударил его в бока и помчался навстречу воздушному потоку.

Глава 3

Без сомнения, никто бы не поверил, узнав, какой невероятно сложный путь она проделала, минуя дремучие заросли Мёртвого леса, красоты Дьервенмарской равнины и преграду Одиноких гор, и сумев, к тому же, избежать абсолютно всех опасностей, подстерегающих путника в столь недружелюбных местах. Даже девственная и по-своему изящная Дьервенмарская равнина таила в себе множество весьма неласковых созданий. Но ни одна тварь не вылезла из своего мрачного логова, дабы полакомиться свежей добычей; либо просто-напросто не заметив её, либо испугавшись нападать.

Сейчас Ингилиат остался позади. Тракт, пролегающий между Восточным лесом и озером Курсун, медленно сужался в узкую тропинку, на которой не разошлись бы и две телеги. Огибая озеро по самому краю берега, он словно заключал воду в свои объятия, и бледно-коричневой лентой тянулся на север к Даллор-Куру.

Вот уже озеро осталось за спиной, и тракт начал еле заметно уходить влево, вновь приобретая свои истинные размеры. Лес волнами раскинулся на восток, покрывая тёмно-зелёным полотном здешние равнины и холмы. Уже виднелись в легкой дымке острые пики Хранящих гор Даллор-Кура. Кто знает, куда ведёт дорога таинственной странницы. Может, совершенно в другое место...

* * *

Задыхаясь от бьющего в лицо ветра, Флаури прижался к шее своего коня и жадно хватал воздух ртом. Сириус без усталости скакал уже часа полтора, судя по тому, что солнце скоро минует зенит. Пока что не попалось ни одной развилки, где пришлось бы гадать, в какую сторону ехать. Многочисленные конские следы служили ему единственным ориентиром.

«Остановись, пока не поздно! Пока не влип в какую-нибудь неприятную историю. Ты вообще думаешь о родных? Что они будут делать без тебя? Хватит им и одной смерти!» – шептал внутренний голос, но Флаури в этот раз почему-то не слышал его. Или делал вид, что не слышит.

Его тянула за собой непонятная, какая-то странная мысль, бегущая далеко впереди. Снова нахлынул поток нерешительности, сомнений в том, что он делает. Тимбертон остановил Сириуса.

Раздумывая о дальнейших шагах, он внезапно заметил в полумиле маленький одинокий домик, что стоял у самого края тракта. Решив зайти и обдумать всё там, он направил коня в его сторону.

Спешившись, Флаури тихонько подошёл к дверям. Вывеска гласила: «Диадема эльфа». Улыбнувшись, он дернул за ручку. Внутри царил полная тишина, никого из посетителей не было, да и сам трактирщик тоже где-то запропастился.

Убранство совсем уж не впечатляло. Да и зачем далёкому трактиру лишние изыщества? Вдоль стен были строго расставлены массивные деревянные столы, над которыми крепились девять незажжённых факелов. Несколько дубовых бочек вдоль противоположной от входа стены не то с вином, не то с пивом. И дверь. Скорее всего, на кухню или задний двор. Вот и вся, так сказать, обстановка. Свет проникал через два противоположных окна, но всё равно было как-то мрачновато. Погода сегодня не баловала.

Флаури уселся в дальнем углу и, осознав, что давно проголодался, начал было уже копошиться в дорожном мешке в поисках съестного, но тут раздались чьи-то громкие шаги.

Дверь слева от посетителя без единого скрипа распахнулась, и внутрь вошёл человек. Старичок, лет восьмидесяти, щупловатый на вид, не замечая гостя, направился к пивным бочкам, чуть волоча правую ногу. Наливая пенистый напиток в кружку, он вдруг обратил внима-

ние на незапертую входную дверь, и стал медленно оглядывать помещение трактира. Завидев в углу незнакомца, он невозмутимо отвернулся к бочке.

– Здравствуй, добрый человек! Что будешь пить? – закрывая кран, проговорил он с улыбкой и смешным деревенским акцентом.

– Здравствуйте! Можно, я здесь поем? У меня есть с собой... – замялся вдруг Флаури.

– В моём трактире посетителей потчуют только местной едой, – негромко, но строго произнёс трактирщик.

– Мне нечем вам заплатить, – с горечью сказал сын Варнора. – Денег совсем нет.

– Едят тебя мухи! Деньги – это круглые золотяшки да серебряшки, из-за которых люди то и дело друг друга убивают? – презрительно фыркнул тот.

Гость пожал плечами.

– Сестра! Обед, пожалуйста! – громогласно проревел куда-то в сторону незнакомец. – Меня зовут Харит, я – местный деревенский трактирщик. А тебя как родители называли?

– Я – Флаури из Веорны. А здесь разве есть деревня? – деловито осведомился Тимбертон.

– Ты не знал? Едят тебя мухи, Флаури из Веорны! Да, деревня Кромин. Я здесь специально трактир построил, чтобы проезжающие могли отдохнуть, не сворачивая к деревне, – он подошёл и присел рядом, – ну, или спросить чего. Как, например, часа два с половиной назад куча стражников проезжала, – видимо, из Второй столицы. Спросили какую-то ерунду и дальше поскакали.

Тимбертон насторожился.

Вблизи он смог хорошенько рассмотреть его. Загорелая кожа, короткие русые волосы, седоватые усы, небольшой шрам на носу. Человек показался настолько открытым, что Флаури решился непременно воспользоваться этим и узнать что-нибудь.

– А ты не местный, что ль? Не из Второй столицы? – поинтересовался Харит. Забыл, видать, что несколько минут назад ему представились, как полагается.

– Нет. Я из Веорны, что к северо-востоку от города.

– Наслышан, наслышан! Кузнец у вас там хороший был! Варнор его зовут. Да случилось что-то с ним, теперь, вроде как, скотоводом стал.

– Да, так и есть... – задумчиво промямлил Флаури.

В это время женщина – видимо, та, которую Харит назвал сестрой – в длинном красном платье с узкими рукавами и в белом фартуке принесла поднос с едой. Перед Флаури оказались тарелки с супом и тушёным мясом, а также ароматный напиток из смеси лесных ягод. Он учтиво поклонился, поблагодарив её.

– А могу я узнать, про что именно они спрашивали? – как-то осторожно осведомился он.

– Кто? – запямятовал Харит.

– Стражники, что недавно здесь проезжали.

– Ах, да! Можешь, конечно! – вскинул брови трактирщик. – Спрашивали о каких-то двух всадниках в чёрных одеждах с королевской геральдикой. Я им ответил, что ничего не видел. Дак они потом ещё раза три переспросили, уверен ли я в этом! А почему ты спрашиваешь?

Сын Варнора повёл плечами:

– Да так. Ничего особенного.

Он не заметил, как взгляд трактирщика сменился. Тот знал, что о таких вещах без особого интереса не спрашивают. Было видно – что-то с этим юнцом не так. Но трактирщик не стал выпытывать у него информацию. Зачем человеку лишние проблемы, если ему не желают о них ведать. Харит лишь поинтересовался, нужна ли Флаури помощь.

– Нет, спасибо. Вы и так сильно помогли.

– Едят тебя мухи, юнец! Станный ты, конечно! Ну, да ладно. Не буду тебя отвлекать. Ешь! Моя сестра – Кирви её зовут – готовит просто великолепно! – указав на тарелки, Харит быстро поднялся, схватил свою кружку и исчез за задней дверью.

Обед действительно оказался очень вкусным. Восхищение горячим мясным бульоном с фасолью длилось вплоть до того момента, когда Тимбертон попробовал тушёное мясо. Ароматный пряный дымок шёл из тарелки, где в густом соусе томились аппетитные кусочки.

«Говядина!» – понял Флаури. Уж ему-то не знать, из какого мяса что приготовлено! Вся жизнь прошла рядом с этим продуктом. Он его и рубил, и резал, и жарил, и, конечно же, ел в огромных количествах.

Слизав буквально до капли весь соус и ощутив приятную тяжесть в животе, Тимбертон с довольным видом откинулся на скамье и прикрыл глаза. Магия сна мгновенно поглотила его в свои ласковые объятия, и Флаури растаял в забвении.

Ему снилась зеленеющая роща, озарённая лучами тёплого солнечного света. Он шёл между огромных прямых сосен. Вокруг ярчайшими красками переливались тысячи цветов. Ветер ласково трепал его длинные волосы и то исчезал между деревьев, то вновь налетал из-за листвы.

Мысли Флаури были невообразимо чисты, даже многоголосый птичий гомон не нарушал безмятежности его сознания. Он не знал цели своего пути, однако ноги сами несли его по незримой тропе через прекраснейшие места.

Что-то нереальное существовало здесь, в лесу, какое-то мягкое волшебство, ласково обволакивающее разум. Тимбертон испытывал величайшее наслаждение. Когда он находился здесь, ему казалось, что лес принимает его, позволяя восхищаться своей красотой.

Внезапно путник остановился, медленно оглядываясь по сторонам. Он почувствовал, будто его кто-то зовёт. Однако Флаури никак не мог понять, откуда доносится хрипловатый мужской голос. Он звучал всё сильнее, зарождаясь, казалось, в голове самого юноши. Флаури... Флаури...

– Флаури! Флаури! – кто-то вдруг схватил его за плечо.

Он открыл глаза. Перед ним стояла Кирви и нервно дёрнула его за тунику. Её лицо было очень встревоженным.

– Тебе нельзя больше здесь находиться! – шёпотом произнесла она, утягивая его за собой к задней двери.

Когда Кирви потащила гостя вниз по песчаной дороге, он выпалил:

– Там мой конь! Мне нужно...

– Харит увёл его к нам в конюшню. Не беспокойся, с ним всё в порядке! – перебила она, продолжая тянуть за рукав.

– Что стряслось-то? – негромко спросил сын Варнора, пытаясь догнать Кирви.

– Все вопросы потом! – сердито прикрикнула женщина, и он замолк.

Испуганный гость «Диадемы эльфа» едва успевал переставлять ноги, чтобы не упасть в скользкую противную грязь. Кирви бежала очень быстро, будто была научена так действовать в опасных непредвиденных ситуациях. Но одно оставалось непонятным: что могло случиться, чтобы его, едва знакомого человека, так волокли по дороге, пытаясь спасти? И от чего? Флаури решил повременить и расспросить обо всём в более спокойной обстановке. Правда, он уже начал сомневаться, что попадёт в неё.

Стремительно приближались окраинные строения небольшой деревушки, где угадывались суэта и волнение местных жителей. Одни пытались прятаться, другие переносили пожитки в безопасное место, кто-то руководил возникшим беспорядком, громко выкрикивая незамысловатые команды.

Они влетели в бревенчатый покосившийся, но построенный довольно добротно, домик. Флаури сразу же заметил встревоженного Харита, который судорожно натачивал огромный боевой топор.

«Похоже, я влип в какие-то очень серьёзные неприятности! Джорджио! Ты, как всегда, оказался прав! И какого чёрта меня вообще сюда понесло?!» – пытаюсь отдышаться, подумал Тимбертон.

Неспроста его сюда затащили. Остаться в трактире, видимо, оказалось небезопасно. Успокоившись, он дрожащим голосом произнёс:

– Харит, в чём дело?!

– Заберёмся в погреб и, если повезёт, спокойно отсидимся, – не слушая Флаури, прорычал мужчина.

Кирви молниеносно откинула лежащий у кровати ковёр и распахнула крышку. Гостя без каких-либо объяснений впихнули в тёмное пространство холодной ямы, и он осознал, что сейчас его слушать никто не собирается. Вслед за ним спустились и хозяева жилища.

Дверь в доме вдруг отворилась. Наверху кто-то зашуршал.

– Это Горн! – донёсся из темноты голос Харита. – Я попросил его застелить ковёр и поставить на него стол.

– Получу я, наконец, объяснения? Что происходит?! – возмущаясь, что его игнорируют, прикрикнул сын Варнора.

– Орки! – в один голос шепнули брат и сестра.

Вокруг царила кромешная тьма, и Флаури не мог разглядеть их лиц.

«Орки? Какой бред! Что они несут?! Откуда им взяться почти в самом центре королевства? Через границы даже самый безумный карлик не проползёт, куда уж оркам?!» – понеслись галопом мысли.

Орки последний раз упоминались хронистами в тысяча шестьсот восемьдесят девятом году от Первого Восхода. Тогда они, разгромленные в Эпической войне, бежали на юго-запад в гномьи горы. С тех пор орков можно было встретить лишь на картинках в гимназийских учебниках.

– Какие тут могут быть орки?.. – всё же спросил он.

– Едят тебя мухи! Ты думаешь, наши охотники просто так решили поставить на ноги всю деревню? – шёпотом, но грозно проговорил Харит, укладывая рядом топор.

– Дело в том, что, охотясь в лесу, наши люди заметили пробиравшийся по краю дороги отряд орков. Это всё, что мы знаем. Они направлялись по тракту в сторону деревни, – спокойно разъяснила Кирви.

– И откуда они только взялись?! – спросил Флаури.

– Всё! Больше никаких вопросов! Будем сидеть здесь, пока не получим отбой! – сурово оборвал все разговоры Харит, и в подвале воцарилась тишина.

* * *

Кривые изящные сабли с пронзительным свистом рассекали струи сильнейшего ливня. Брызги воды и крови летели в разные стороны, окрашивая землю вокруг в тёмно-багровые тона. Мир наполнился звоном и скрежетом стали, злобными предсмертными воплями воинов Кхарун, – как именовали орочье племя хронисты.

Золотые локоны бешено взметались вокруг её головы. Она двигалась с немыслимой скоростью, было трудно уловить хоть один взмах. Гибкое тело уклонялось от атак с небывалой ловкостью, а удары её непременно находили цель.

Битва под неумолимо льющимся дождём завязалась почти у самой развилки, где тракты расходились к Даллор-Куру, Арголиаду и Ингилиату. Небольшой отряд, состоящий из одиннадцати орков, появился совсем неожиданно, и, хотя девушка была готова ко всему, её всё же удалось окружить. Но с первых же секунд схватки орки слегка опешили, глядя, как три их сородича с перерезанными глотками рухнули после одного удара противницы.

Переглянувшись, они что-то неразборчиво прорычали, и в следующий же миг огромные топоры ринулись к девушке в попытке безжалостно разрубить на части. Но она, момен-

тально сгруппировавшись, перекатилась по земле между двумя противниками, сделала выпад на колено и, раскинув руки в стороны, распорол обоим животы. Застыв в этом положении, она медленно поворачивала голову то вправо, то влево, наблюдая за движениями врагов.

Внезапно один из них, единственный, кто имел зеленоватую кирасу с шипованными наплечниками – видимо, предводитель группы, – махнул мускулистой волосатой рукой, и пятеро орков с ворчанием отступили, а он сам вытащил из-за спины двуручный меч с волнистым лезвием и оскалился в злобной усмешке. Оружие сверкнуло тусклым голубоватым светом, предвкусывая гибель жертвы.

Девушка по дуге обошла орка так, чтобы видеть хотя бы краем глаза тех, кто стоял в стороне. Она остановилась, держа перед собой обе сабли и ожидая удара противника. Пусть он со своим тяжеленным оружием первый попытается атаковать, а уж защититься она сумеет.

Орк сделал движение вперёд, одновременно занося меч над головой для прямого удара. Хотя эта дикая раса и отличалась недюжинной силой, но всё же с таким мечом управиться было непросто. Поэтому до того момента, когда оружие, с ужасным гулом рассекая воздух, врезалось в землю, она сумела отскочить.

Тут же обе сабли описали короткую дугу и скользнули по доспехам. Мелкие искорки блеснули белым огнём и тотчас исчезли. Орк удивлённо глянул на кирасу, на которой не осталось даже царапин. Крианит знает своё дело. Существо злорадно рыкнуло и в следующий момент уже со всей живущей в нём силой принялось размахивать из стороны в сторону длинным мечом, пытаясь не дать девушке приблизиться. Ей же только оставалось отпрыгивать назад, дабы не угодить под яростный вихрь орочьих ударов. Один такой, даже плашмя, мог запросто снести ей голову. Воин Кхарун продолжал без устали наступать, обрушивая град сильнейших ударов. Казалось, вот-вот, и его клинок достигнет, наконец, своей заветной цели, и всласть напьётся крови, но ловкость, с которой она уворачивалась от сыплющихся ударов, поражала. И злила.

Красные глаза орка полыхали безудержным пламенем ярости и ненависти, его злобное рычание превратилось в отчаянный рёв. Движения начали замедляться, участилось и без того тяжёлое дыхание – он устал.

Враг остановился, двумя руками держа перед собой меч. Из его груди вырывалось хриловатое сопение. План удался. Девушка поняла, что действовать нужно немедленно, пока противник не пришёл в себя. И попасть ей нужно только в одно незащищённое место – узкую полоску между кирасой и шлемом.

Прыгнув влево, девушка сделала обманное движение, заставив орка наотмашь ударить в нужную ей сторону. Она быстро пригнулась, широко расставив ноги, и грозное оружие просвистело прямо у неё над головой. Не теряя времени, девушка взмыла вверх, словно мифическая гарпия, разводя сабли в стороны, тогда как меч противника уже направлялся в противоположную сторону. Руки успели сомкнуться, сталь сумела найти промежуток между доспехами, и в следующий миг огромная звериная голова слетела с широких плеч. Кровь хлынула из раны, забрызгав ей лицо и волосы; тело вдруг передёрнуло судорога, и оно безжизненно повалилось на землю.

Вытирая окровавленное лицо, она бросила яростный взгляд в сторону толпившихся неподалеку орков, которые, втянув головы в плечи, топтались на месте. В следующий же миг они разом бросились в сторону леса, разбегаясь по кустам.

– Бегите, бегите! И советую прихватить голову вашего вожака. Пусть другие посмотрят, – чуть хриловатым голосом прошептала она и, вложив сабли в зеленоватые ножны, направилась по тракту на север.

* * *

Тьма и тишина. Самые мерзкие ощущения. Душа уходила в пятки. Сердце колотилось так, что в ушах отдавался звук ударов, и казалось, сейчас вся деревня их услышит. Флаури

жался в углу тёмного и прохладного погреба, трясущимися руками держа эфес отцовского клинка. Харит и Кирви молчали, слышалось только лёгкое сопение старого трактирщика.

Флаури чувствовал себя абсолютно беспомощным. Его трясло, как берёзку в ураган. Ворвись сейчас сюда орк, он не смог бы даже меча поднять – парализующий страх постепенно овладевал его телом, а разум полностью затмила пелена отчаяния.

Вдруг снаружи послышался стук тяжёлых металлических сапог по деревянным ступеням. Дверь с грохотом распахнулась, и с полки тотчас полетела на пол глиняная посуда. Шаги медленно приближались к тому месту, где ковриком была прикрыта крышка погреба. Послышалось шмыганье, будто кто-то принюхивается.

Флаури ощутил бешеную силу несущейся по венам крови. Казалось, его сейчас разорвёт изнутри.

Раздался звон стекла. Стол полетел в окно. Люди осознали, что им остаётся либо умереть, либо вступить в смертельную схватку. И неважно, сколько ещё гнусных тварей рыскает по деревне.

У Тимбертона перед глазами вспыхнули события его жизни, самые светлые и запоминающиеся. Те, ради которых стоило жить, стоило бороться с опасностью, чтобы вновь встретиться с ними. Жизнь сильнее смерти. Когда тобой движут самые важные инстинкты, становится намного легче, борьба приобретает иной оттенок, – более яркий, более значимый. Главное – почувствовать это.

Флаури стал задаваться вопросами, ругать себя.

«Какого чёрта я понёсся за Дорвеном один? Сидел бы сейчас дома, да попивал чай с пирогами! Что же ты за человек такой, Флаури? Вечно тебя тянет на неприятности! Или неприятности сами приползают к тебе? Какая разница! Джорджио был прав, как никогда. Вернее – как всегда!»

Но какой смысл в этом сейчас?

Его мысли были прерваны брызнувшим в глаза, хоть и неярким, но слепящим светом, который лёг на тела, выдавая их присутствие. Сверху высунулась мохнатая, дурно пахнущая и рычащая голова. Харит привстал, сжимая в руках огромный топор. Орк презрительно гаркнул, но спускаться не стал.

– Что?! Боишься, тварь! Иди сюда, едят тебя мухи! Я твои кишки на топор намотаю! – заорал, как оглашенный, Харит.

«Что он делает?! Самоубийца! Пусть эта гадина там остаётся! Зачем её сюда звать?! Он же вмиг нас всех перерубит!» – бросил недоумевающий взгляд на трактирщика Флаури.

Однако, тот не унимался:

– Эй, ты! Чего стоишь, уродище?!

Орк перехватил другой рукой окровавленный от лезвия до рукояти топор, и из его пасти тотчас вырвался зловещий чудовищный рёв.

«Всё, конец! Сейчас мы превратимся в фарш!» – совсем отчаялся Тимбертон.

Воин Кхарун сделал шаг вниз, деревянная ступенька громко закрипела. Молодой воин вытащил из ножен отцовский клинок и держал его за рукоять обессилевшими руками. Но лезвие оружия безнадежно уперлось в деревянный настил. Флаури никак не мог совладать с собственным телом. Оно отказывалось повиноваться разуму.

Орк сделал ещё один шаг вниз, осторожно ступая огромными ногами по едва державшимся ступеням. Харит приготовился нанести первый и, наверное, единственный удар. И если он будет не смертельным, то вряд ли орк оставит им хоть какой-то шанс. А учитывая возраст и силу старика, уповать на благоприятный исход сражения не приходилось.

Сверху до ушей Флаури донеслись чьи-то быстрые еле слышные шаги, затем послышался звук, словно клинок пробил доспехи и воткнулся в плоть. Орк резко выгнулся, запрокинул голову и захрипел. Ноги мохнатого существа подкосились, и оно повалилось вперёд, прямо

на Тимбертона. Тот успел отскочить в сторону и, когда безжизненное тело рухнуло со ступеней вниз в погреб, все увидели причину его гибели. Из спины орка торчала короткая изогнутая сабля с причудливой тёмно-зелёной гардой.

Сын Варнора увидел, как в проеме погреба появляется чья-то голова. Это была девушка, лет двадцати-двадцати трёх, как оценил он на первый взгляд. Снизу было трудно разглядеть её лицо. Она заглянула через порог.

– Поднимайтесь, в деревне больше никого нет, – нежным, ласкающим слух, словно шёлк кожу, голосом проговорила таинственная спасительница.

Флаури оторопел. Казалось, в его жизни были моменты, когда он слышал этот исполненный теплоты голос, но вспоминать точнее сознание отказывалось. Харит, вытащив из спины орка саблю, легонько подтолкнул юнца в спину, и тот, еле волоча ноги, поднялся наверх. Теперь он легко мог рассмотреть её.

Густые золотые пряди, немного перепачканные кровью, ниспадали на плечи. Нежный свет бездонных зелёных глаз заставлял недвижно стоять и дивиться безупречной красоте. Правильно очерченные губки, сейчас чуть поджатые, имели приятный розовый оттенок. Её одевание удивило Флаури ещё больше: какой-то необычайный зелёный, обтягивающий всё тело, костюм из эластичного материала, прекрасно подчеркивающий идеальные изгибы линий точёной фигурки. Поверх костюма расположилась кожаная туника со множеством вшитых в неё пластинок, переливавшихся в дневном свете тёмно-фиолетовыми оттенками. На голове – широкая белая повязка.

Харит поднялся с выдернутой саблей и, учтиво поклонившись, передал её девушке. Она, слегка склонив голову, приняла своё оружие.

– Скажи, а что такая красота делает в наших запустелых краях, – ничуть не скромно поинтересовался трактирщик, – да ещё с таким клинком?!

– Ищу, – кратко ответствовала девушка, глядя на Харита.

– Извольте спросить, что именно? Может, мы сможем помочь?

Она перевела взгляд на юношу, и вдруг её лицо переменилось, словно девушка увидела нечто сверхъестественное, словно достигла именно той цели, которой добивалась многие годы.

– Вы уже помогли. Спасибо вам. Флаури, пойдём! – строго, словно мать сына, позвала она.

Тимбертон так и не мог вспомнить, где именно слышал её голос.

– Откуда тебе известно моё имя? – удивлённо вскинул брови он.

– Сейчас не время для болтовни! – серьёзно сказала девушка. – Пойдём, расскажу всё по дороге.

– Вы останетесь на ужин? – как-то робко поинтересовалась Кирви.

– С удовольствием бы, но времени совсем нет, – с улыбкой ответила незнакомка.

Флаури тоже не хотел задерживаться.

«Если наместник с отрядом здесь проезжали, то нельзя терять время, иначе можно упустить его. Но, похоже, у меня появилась ещё одна проблема в виде прекрасной спасительницы, которая, как выяснилось, откуда-то знает моё имя. Ну, драться она умеет, и это явно не первый её орк за сегодняшний день. Но кто она такая?..»

– Можно хоть узнать имя нашей спасительницы? – сложив руки на груди, добродушно поинтересовался Харит.

– Милана, – мягко произнесла девушка. – Кстати, там, у трактира лежит орочий доспех из крианита. Возьмите его, перекуйте или продайте. Насколько я знаю, он стоит немалых денег.

Харит кивнул, и двое вышли из дома.

– О чём ты хотела поговорить? – спросил Флаури, окидывая взглядом деревню. Он моментально онемел, увидев ещё двух мёртвых орков чуть дальше по дороге. Похоже, их было не слишком много. Вопрос лишь в том, явятся ли другие.

Жители деревни медленно выползали на улицы, собирая обронённое добро, обломки дверей и окон. Из некоторых домов доносился душераздирающий женский плач – видимо, по погибшим мужьям или детям.

Дождь прекратился, но над Эруадом всё ещё висели тяжёлые серые тучи. Казалось, будто мир погрузился в извечную пелену страданий и скорби, краски потускнели, звуки природы перестали ласкать слух – всё живое и прекрасное будто бы спряталось в свои убежища, дабы не угодить в ужасные лапы смерти.

– Потом всё объясню. Пошли к тракту, – вывела из оцепенения Флаури Милана и направилась вверх по дороге.

– Погоди ты немного. Только коня заберу, – он обернулся к трактирщику. – Кстати, Харит! Где мой конь?

– Едят тебя мухи! Сейчас приведу! – всполошился трактирщик и скрылся за углом дома.

– Спасибо тебе, конечно, что убила это чудовище, но всё же, кто ты такая? И чего тебе от меня нужно? Может, ты... – беспорядочно забормотал Тимбертон, но его безудержная речь вновь была прервана.

– Послушай, давай отъедем подальше от деревни, и я тебе всё расскажу, – положив руку ему на плечо, прошептала Милана.

– А чем здесь-то плохо? – вскинулся было он, но опять встретил строгий и в то же время ласковый взгляд, заставивший его отступить.

Флаури не понимал, как подчинился такому истинно-волшебному взору. Всё его существо стремилось повиноваться обладателю столь прекрасных зелёных глаз.

– Понимаешь... Здесь – не самое лучшее место. Если кто-нибудь что-нибудь увидит или узнает, сразу поползут слухи. А ты знаешь, какие люди болтливые, – закончив, девушка кивнула.

Харит привёл красавца Сириуса, который то и дело брыкался и пытался вырваться. Но, заведя хозяина, он мирно и важно зашагал, словно обученный королевский конь.

– Извините, не могу предложить вам ещё одного коня. Не держим, – после небольшой паузы, мужчина вдруг нашёлся: – Хотя, можем спросить у Роквенов, едят их мухи! Ханс тут задолжал мне, на целого коня потянет! – Харит пожал плечами.

– Не стоит беспокоиться, любезнейший. Второй нам без надобности, – заверила его Милана.

– Спасибо! Мой Сириус сильный. Ему два всадника – что один, так что волноваться не о чем, – косясь на девушку и рисуя на лице выдуманную улыбку, как можно учтивее сказал Флаури.

Они попрощались с гостеприимными крестьянами, и сын Варнора повёл коня к тракту. Милана шла чуть впереди.

– Едят тебя мухи! – еле слышно усмехнулся Тимбертон, обводя взглядом стройную фигуру девушки.

Они вышли на тракт: Флаури – простой ученик скотовода из деревни, по воле судьбы оказавшийся там, где, оскалившись и выпустив смертоносные когти, поджидает опасность; и Милана – таинственная девушка, так вовремя появившаяся в нужном месте. Было ясно – она преследует здесь весьма серьёзные цели, которые, как оказалось, почему-то касаются и его.

Сын Варнора вскочил на Сириуса.

– Ты куда собрался? – спросила Милана.

– Мне нужно найти кое-кого, – уже намеревался броситься в путь Флаури. Он совсем забыл о разговоре с девушкой. Его беспокоила сейчас только одна мысль – во что бы то ни стало нагнать наместника Дорвена и расспросить. Может, тот поведаст ему какие-нибудь сведения, которые помогут Флаури отыскать убийц отца.

– Там повсюду орки, – Милана встала на пути у Сириуса. – При всём твоём желании, я тебя не пушу!

– Да что ж ты за зараза-то такая?! – всплеснул руками тот. Подумав несколько секунд, повертев в голове все за и против, Тимбертон всё же не решился скакать галопом навстречу очередным неприятностям. И правда, – наместник вернётся, и завтра можно всё спокойно разузнать. А пока, раз уж эта деваха так хочет пообщаться, можно перекусить да ехать домой.

– Надо было действительно остаться поужинать, а то у меня в желудке от страха весь обед испарился... – чуть поморщился Флаури, потирая недавно набитый живот. – О, совсем забыл! У меня же кое-что есть!

Соскочив с коня, он покопался в седельной сумке и с радостью обнаружил там утренние лепёшки и мясо. Тут у него в голове возникла весьма неплохая идея.

– Поговорим? Ладно. Раз без лишних ушей, то давай где-нибудь в лесу костерок разведём, а то прохладно что-то. Только времени у тебя будет немного, – мне ещё домой возвращаться. А то мама с ума сойдёт.

– Отлично! – улыбнулась Милана.

Флаури не понял этой улыбки. Как не понял и того, что влип в ещё одну историю.

Вечерний мрак стал постепенно заволакивать всю округу. Тёмные тучи, кучно сгустившись над головами, помогали ночной стихии окутать путников непроглядной тьмой. Далеко на западе медленно угасал небесный пожар, ярко-алое зарево исчезало за раскинувшейся там холмистой грядой Орук-Тай, тянувшейся на северо-запад вдоль тракта. В воздухе царил сладковатый, но неприятный запах, словно оставленный той самой костлявой старухой, что недавно прошла по деревне мерзкой чёрной косой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.